ПИОНЕР

П 29
34

„Молодая гвардия"

Апрель № 9

ПИОНЕР

ЖДЕМ КОНФЕРЕНЦИИ

МЫ СОЗЫВАЕМ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ в МОСКВЕ, ЛЕНИНГРАДЕ, ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ, СВЕРДЛОВСКЕ и ОДЕССЕ НА ЧИТАТЕЛЬСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ.

Редакция выезжает в эти города, чтобы отчитаться перед читателями в своей работе.

Читатели пионера, внимательней следите за журналом. После выездов редакции в провинцию СОСТОИТСЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ уже на страницах журнала.

ВСЕ ЧИТАТЕЛИ «ПИОНЕРА» ГОТОВЯТСЯ К СВОЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ. РЕБЯТА! ВАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ? ЧЕГО ВЫ ЖДЕТЕ ОТ ЖУРНАЛА?

ЧТО ИНТЕРЕСНОГО В ДЕВЯТОМ НОМЕРЕ

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ—историческая повесть И. Баса (продолжение). Кто такой Павлов? Убийство студента Иванова. Листовка Нечаева на приеме у царя. Рисунки К. Кузнецова.

Первый раз в нашем журнале рассказ-загадка: ТРЕВОГА—Н. Богданова. Рассказ про такой лагерь, где все жили в палатках, про заграждения, сигналы, ночные нападения и храброго Рубинчика. Рисунки А. Брея.

АНАТОША ОДУВАНЧИКОВ В СТРАНЕ КРАСНОКОЖИХ. Продолжение его изумительных приключений: охота за поросенком, пляска индейцев и боевой клич Уэз-у!—Гр. Градова. Рис. К. Кузнецова.

БУМЕРАНГ—стенная газета читателей. В Бумеранге: Весенняя песенка, Пропавшие звенья, Как по Волге мы катались и еще... Обо всем писали деткоры Самары, Москвы, Кзыл-Орды, Нижнего-Новгорода и других городов. Рис. Б. Покровского.

ПЯТЬСОТ ВЕРСТ ПО РЕКЕ—очерк Номада, о том, как он со своими приятелями путешествовал в бурю по озеру Селигеру на парусной лодке. Его же фотографии и он же на них изображен.

КТО ТАКОЙ КОЛЯ СОЛНЦЕВ?

Коля Солнцев—леший.

Одно из похождений звена „Красный Пионер" в лесу. Водятся ли львы в Московской губернии? Лесная типография и все остальное, что показывал Коля Солнцев своему звену.

ОКОШКО ВО ВСЕ СТРАНЫ.

На двух страницах: Москва будущего. Сталь, которая не ржавеет. Редкое животное. Живые пулеметы. Дорога через Ниагару. Лаборатория холода.

УБИЙСТВЕННЫЙ ГОРОХ. Как сделать револьвер. Изобретение пионера...

БУДЕМ ЛЯГУШКАМИ—это совсем не странная статья, напечатана на 21 странице.

В ТРУСИКАХ И ТУФЛЯХ—как шить эти нужные вещи.

ЕРШ—юмористический журнал пионеров и школьников, начинается на 23 странице.

В Ерше: Ерш и Щука. Смутьян—рассказ П. Замойского. Колючие письмишки Ершонка Мишки. Чай и другие веселые рисунки и стихи.

ОТГАДАЙ: про племя индейцев, задачу о шести бочках и двух самоварах. Рисунки М. Аскинази.

Обложка работы художника Г. Берендгофа.

Редколлегия: *Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, В. ЛЯДОВА, И. РАЗИН, Н. СЛЕПНЕВ, М. ЭПШТЕЙН*

Отв. редактор Н. СЛЕПНЕВ

Москва, Главлит А 13862. Изд. № 2709 „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. Тираж 30,000.

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — » 85 »
» 1 » — 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА
при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, центр, Нов. площ., 6/8
Издательство «Молодая Гвардия»

№ 9 МАЙ 1928 г.

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

Г. П. Б. в ЛНГР. ОБХЗ. ЭХЗ. 1928.

Историческая повесть И. БАС
Рисунки худ. К. КУЗНЕЦОВА
(Продолжение)

В трех номерах уже печатается повесть о Сергее Нечаеве, великом бунтовщике, а в редакции еще нет отзывов читателей об этой повести. Редакции нужно знать мнение ребят, присылайте отзывы о Сергее Нечаеве.

В прошлых номерах были описаны первые подвиги Нечаева. Бегство его за границу. Приехавший из-за границы революционер Павлов организует в России тайное общество „Народная Расправа“.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ

На следующий день Кузнецов собрал близких друзей, с которыми вместе учился в академии. Еще полный вчерашнего возбуждения прочел прокламации Нечаева, Бакунина, листки „Народной Расправы“ и восторженно рассказал о создании революционного общества. Вокруг Кузнецова образовался новый кружок из пяти человек. Скоро каждый из них создал еще пятерки вокруг себя. Но члены каждой из них не знали, из кого состоит другая пятерка. С руководителями общества кружки сносились только через своего организатора. Так устроена была конспиративная организация. Этим надеялся Нечаев обеспечить „Народную Расправу“ от провала.

Недели через три на квартире Успенского собралось необычное общество. Какой-то монах в длинной до пола рясе кротко убеждал возбужденного офицера, поминутно хватавшегося за шашку. Возле, внимательно прислушиваясь к их спору, стоял молодой паренек в крестьянской одежде. Вдруг он фамильярно хлопнул офицера по расшитому серебром эполету.

— Да будет вам... ясно. А вот тебе придется с'ездить в Тулу. Организация растет прямо не по дням, а по часам... Я вчера вернулся из Ярославля; там уже создано отделение. Видел новую листовку? Сейчас принесу...

И крестьянин вышел в другую комнату.

Монах сказал:

— Знаешь, он последние дни спит не больше двух часов в сутки. Кажется, он одновременно находится в десяти местах.

На квартире Успенского собралось необычное общество

Что за дьявольская энергия! Завтра он опять выезжает в провинцию. Впрочем, он всегда был такой. Еще мальчиком так же упорно работал, когда решил вдруг добиться грамоты. И за несколько лет из самоучки превратился в учителя.

— Как самоучки? Почему ж его в детстве не учили?

— А кому было учить? Отец—крепостной крестьянин, маляр. Малярное дело у них из рода в род передается. Грамоту там не очень ценят. Сережу девяти лет отдали уже на фабрику...

— На фабрику?

— Ну да. Жили они в Иванове [1]. Это—известный фабричный район. Был он посыльным мальчиком при конторе. Испытал немало издевательств и побоев. Там-то он и понял, что без грамоты всю жизнь ему рабом оставаться. Тогда он фабрику бросил. Стал учиться. Чтобы с голоду не умереть, работал маляром и в шестнадцать лет уже весь гимназический курс сам прошел.

— Но почему он учителем стал?

— Он, конечно, мечтал дальше,—в университет,—итти. Но денег не было. Пришлось от университета отказаться и держать экзамен на народного учителя.

— Да... Видно, суровую школу прошел человек...

Молодой крестьянин вернулся с листком в руках.

— Мы уже достаточно сильны. Общество должно узнать о нас. Нужно отпечатать и распространить эту прокламацию.

Офицер прочел: „От сплотившихся к разрозненным“. Внизу подпись: „Народная Расправа“.

Вошел Успенский.

— Касса все пополняется. Кому нужны деньги на поездку? Да, во Владимире уже создана организация. На днях еду в Нижний. У меня там старые друзья... А это что, листовка? Ну, что же, давай... надо ее распространить... Павлов, а ты можешь уже и переодеться,—обратился он к крестьянину.— Вообще, кому сейчас гардероб не нужен для дела, складывайте в этот шкаф.

...Однажды Прыжов, член „Народной Расправы“, вошел расстроенный и мрачный. Это бросилось сразу в глаза.

— В чем дело?

— Иванов болтает всюду о „Народной Расправе“.

— А ты б его остановил.

— Он говорит, что ему надоела эта история, он уйдет из организации.

— Вот как. Ну, если он сейчас не сдерживает себя, так потом уж и вовсе...

— Он и сам намекает, что собирается итти с повинной...

— Предать нас?!

— Может, он только так это...

— Нет, он выдаст.

— Иванов — предатель.

— Что же делать?

На этот раз так ничего и не решили. Но через несколько дней известия оказались еще тревожнее. Иванов отказался притти на заседание комитета и продолжал по всему городу разносить слухи об организации. Наконец, Павлов сурово произнес:

— Выход один...

Все тревожно обернулись.

— Придется убить его.

— Но...

— Он же товарищ...

— Интересы революции выше интересов личности...

Успенский поддержал:

— Если пощадим его, провалится организация.

Смертный приговор был вынесен.

В глухом углу парка Петровской академии находится забытый грот. Возле него,— покрытый льдом (на дворе ноябрь) пустынный пруд. Туда подходят в этот ужасный вечер несколько человек. Среди них Иванов.

— Где же шрифты? — спрашивает он.

— В гроте...

Иванов входит. Делает несколько шагов в темноте. Снаружи остается один Успенский. Он дрожит в неожиданной лихорадке. Все, что совершается, доходит до него, словно сквозь сон. Вдруг доносится испуганный крик.

— За что вы меня бьете? Что я вам сделал?!

Кто-то мелькнул у выхода. Успенский бросается, растопыривая руки, задерживает вырвавшегося Иванова.

Его снова уволокли в пещеру. Раздается выстрел, и все стихает.

Бледные, растерянные выходят из грота Кузнецов, Николаев и Павлов с револьвером в руках.

У Успенского закружилась голова. Но еще не конец. Нужно скрыть следы. Павлов идет к пруду и начинает пробивать лед. Остальные обматывают бичевкой кирпичи, но руки становятся деревянными, не слу-

[1] Нынешний Иваново-Вознесенск.

шаются, узлы не вяжутся, кирпичи выскальзывают из петель; наконец, они привязаны к трупу; несколько шагов проносят труп на руках и спускают в воду.

...Домой!

В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГАХ ПАНИКА

— Он вернулся!..

— Вы читали?— Шувалов на приеме у царя протянул генералу Мезенцову листовку „Народной Расправы".

„ ... *Да, мы не будем трогать царя, мы убережем его для казни перед лицом всего освобожденного черного люда, на развалинах государства... А теперь мы примемся за истребление его Аракчеевых, т.-е. тех извергов в блестящих мундирах, обрызганных народной кровью, что считаются столпами государства*"...

— Это какой-то бред!

— Это листовка Нечаева.

Мезенцов вздрогнул.

— Вы думаете, он способен?

— Читайте дальше...

„...*До начала всеобщего народного восстания нам придется истребить целую орду грабителей казны*"...

— Читайте выноску.

Мезенцов скосил глаза вниз и смертельно побледнел. В списке приговоренных к казни зловеще запрыгало его имя.

Силясь казаться спокойным, он произнес:

— Это только угрозы.

Однако, Шувалов придавал Нечаеву больше значения и не скрывал своих опасений:

— Студент Иванов был убит по одному подозрению в предательстве.

— Но преступная организация раскрыта...

— В Москве. Есть сведения,—голос его понизился до шопота,—что здесь, в Петербурге, существует такое же общество... Нечаев скрылся. Нет!—воскликнул Шувалов,—пока он не пойман, я не буду спокоен ни за себя, ни за священную особу его величества государя императора.

— Неужели он неуловим?

Мрачные люди пришли ночью на квартиру

Мезенцов попрощался с графом, пошел к выходу и вдруг испуганно отшатнулся: у под'езда, держа руку в кармане, стоял какой-то молодой человек. Генералу ясно представилась притаившаяся под пальто бомба, оглушительный взрыв, куски мяса и мозга. Но молодой человек прошел, даже не подозревая о произведенном впечатлении. Мезенцов обеими руками готов был теперь подписаться под словами Шувалова:

— Пока Нечаев не пойман, я ни минуты не буду спокоен...

Бессильный злобный страх охватил всех царских сановников со дня раскрытия заговора. Многие лишились спокойного сна.

...Труп Иванова был найден на шестой день после убийства. Одежда не была тронута. Даже часы оставались в боковом кармане. Было очевидно, что он убит не простыми грабителями. Среди знакомых Иванова оказался Успенский, квартира которого давно считалась подозрительной. Полиции не трудно было напасть на след. Мрачные люди пришли ночью на эту квартиру играть в прятки. Залезали под кровати, за шкаф, вспарывали бархат мягкой мебели и, наконец, нашли спрятанное, сурово взглянули на хозяина и увели его с собой.

(Продолжение следует)

ТРЕВОГА

Рассказ-загадка Н. БОГДАНОВА
Рисунки художника А. БРЕЯ

1. РАЗБИВКА ЛАГЕРЯ

Пионерский отряд разбивает лагерь на крутом берегу реки. Одна большая, развесистая береза приходится посредине лагеря. Суета и гомон вокруг нее, как на базаре. Вожатый Петя начертил план лагеря и убеждает ребят разбивать по плану. Но боевые ребята, боясь всякой сухости, фантазируют кто как умеет.

Начал фантазировать Рубинчик. Местечко под березой нравится одинаково всем. И вот уж маленький спор. Ребята горячатся, и от неосторожного размахиванья руками некоторые получают царапины и синяки. Победители, конечно, Рубинчик со своим звеном. У него все здоровяки, один Вася Бухтей чего стоит — четверо любых не берут.

После победы звено бодро натягивает палатку. Рубинчик бегает и суетится, как на пожаре. Вася забивает колышки и начинает натягивать полотнище, никому не доверяя этого ответственного дела.

— Вот, вот, — тяни, тяни! Чтоб дождик, как с барабанной шкуры, горошком скатывался! — поощряет Рубинчик, жестикулируя обеими руками. Вася тянет, сопит, у него от натуги шея маком цветет.

— Тяни, чтоб звенело, натягиваясь! А ну еще, гоп!..

В это время раздался треск, вверх взметнулась пыль, и все видят, как чумазый колышек, выскочивший из зомли, стремительно перелетев через палатку, чмокает Васе в лоб. Прямодушный Вася не скрывает своих подлинных чувств; он стремительно садится на землю, утереть несколько невольных слезинок.

— Медную пряжку приложи, чтоб волдыря не было, чтоб... вот она,— участливо предлагает Рубинчик.

Вася протянул было руку за пряжкой, но в глазах его сверкает смекалистое выражение:

— Ах ты, сам же подстроил, а теперь пряжку суешь? Ну постой!

С необычайной для его толщины ловкостью Вася цапает Рубинчика, и два друга катаются по земле в таких крепких об'ятиях, что оба кричат на весь лагерь. Только тогда их удается успокоить, когда вылито на них небольшое ведро воды, затем завернуты оба сушиться в брезент, каждый отдельно.

После этого случая разбивка лагеря пошла успешно. Девчата под руководством Нади разбили свою палатку за бугром, в сторонке, и все обсажали и оплели нарубленными березками. Кухня оказалась вырыта в берегу реки, посредине между штабом лагеря и палаткой девочек. Палатка, которую натягивал Вася, красовалась под березой. Лагерь получился несколько разбросан, зато живописен.

Крайности сходятся. Рубинчик и Вася

2. БОЕВАЯ РАЗВЕДКА

Отряд еще работал над приведением в порядок лагеря, а звено „Красный Летчик“, как самое боевое, уже направилось на разведку. Вожатый звена, Рубинчик, идет впереди, высоко подняв голову, как на подвиг. Он долговяз, выше всех ребят своего звена приблизительно на голову. Шея у него длинная, волосы вьются вверх. Походит он на жирафу. За ним толстяк Вася топает, как гиппопотам. Его маленькие глазки весело поглядывают по сторонам. Яркое летнее утречко приятно настраивает его и без того добродушное существо. С Рубинчиком у них полное примирение. Разве может что-нибудь разбить эту удивительную дружбу.

Оба они, как и все звено, родились и выросли в городе. Деревню представляют по рассказам да по книжкам. Знают, что хлеб растет из земли, знают, что крестьяне это те, которые пашут, сеют, затем собирают хлеб. Ходят они в лаптях, бородатые и говорят неправильно, в роде: „чаво, надысь, воопче, покедыва“. Коммунистов называют „куманисты“, „большаки“. Комсомольцев — соскамольцами. Словом, народ чудноватый и к ним нужен особый подход. Рубинчик ловкач по части разных подходов, идет на разведку уверенно и решительно.

Вот и село показалось навстречу. Вот сухой покосившийся плетень. Пионеры преград не боятся, раз, раз и готово—перепрыгнули. Про-

шли какие-то пустые сараи, снова плетень зеленый, крепкий, а тропиночка потерялась. Но пионер и без тропиночки не пропадет. Сиганули ребята через этот плетень. Очутились ребята за плетнем, поглядели на все четыре стороны,—ни души. Лишь зеленеются вокруг неведомые растения, с листьями разнообразной ширины и длины.

— Идемте в село, — сказал Рубинчик, — может, деревенских пионеров найдем, они нам все об'яснять будут... Смелей, чтоб вперед!

— А чего тут об'яснять! — крикнул веселый барабанщик Володя Маленький, — я и без об'яснения догадался, что это морковь!

Все увидели в его руках здоровенную морковину, а рядом на грядах густую щетину морковной ботвы.

Любознательные ребята мигом подбежали к грядам и начали исследовать морковь всячески, главное—на вкус. Вася изобрел способ обтирать с нее землю прямо о сырую ботву. Морковь оказалась сочная, сладкая, прямо сама лезла в рот. Рубинчик запихал парочку в карманы, в виде экспонатов. Ребята не заметили, как всем звеном остановились и усердно хрупали морковь, покидывая в разные стороны ботву. Они даже не заметили нескольких зрителей, в хмуром молчании взирающих на их занятие. Зрители были в лаптях, в зипунах, двое со здоровенными колдашками, третий с пастушьим кнутом. Все бородатые.

— Ну,—пробурчал самый бородатый,—хрястают, как с того света свалились...

— Давай забираем, а то грядки две очистят,—сказал второй.

— Эй, любезные, что вы тут делаете?!

Заслышав окрик, звено моментально побросало на землю все морковки и стало в строй. Рубинчик, поглядев на лица мужиков, моментально понял, что окружение враждебное.

— Мы...мы, товарищи...тово...воопче...пакедова...— начал он заводить разговор, собирая все подходящие для деревни слова.

— Нет, ты скажи зачем вы в огород зашли?!

— Мы, товарищи, эти, как их, да—куманята! Есть большие—те куманисты, а мы, значит, воопче куманята. Надысь из города прикатили, топерича пришли помекать, чаво у вас тута воопче...

— Ишь ты бормочет, как татарин какой! Ну-ка, идемте в сельсовет, там разберут кто вы такие. Ну, пошевеливайся!

— Да постойте, товарищи, куда вы нас торопите,—упирался Рубинчик, придумывая планы спасения. „А ну-ка, скажу я этим серым мужикам зажигательную речь!?“

— Товарищи! Доблестные крестьяне!—начал он, засунув руки в карманы и запрокидывая при каждом слове голову.—Мы! Продолжая дело Ильича! Приехали к вам! Для братской смычки! Революция в опасности, товарищи! Империализм точит зубы! Генералы хотят вашей крови! Помещики вашего пота! Нет! Не позволим! Долой мировых гадов! Долой, долой, долой!..—Рубинчик увлекся, выхватил руки из кармана и начал помогать себе широкими жестами.

— Ах, курчавый чорт, и в карманы морковь напихал!—услышал он в ответ возглас. Поглядел на руки, а в кулаках зажаты две экспонатные морковины... „Все пропало. И как это я забылся?“

— Спасайся в рассыпную!!!—вскричал осененный последней мыслью Рубинчик и бросился, пригнувшись, куда-то через гряды, через ямы.

В догонку яростный рев, щелканье кнута, палки и куда не оглядывался Рубинчик, всюду раз'яренные, всклокоченные гонятся мужики.

Сиганули ребята через плетень.

. . . . . .

— Петя, я ж тебе говорю, там не мужики, там одни бандиты! Или они нас убьют или знамя стянут!—взволнованно докладывал результаты разведки Рубинчик вожатому. Скорей всего они попытаются напасть сегодня же, давай приготовимся для охраны как следует, поручи это дело мне!

Петя согласился.

Рубинчик отвел Васю в сторону и долго ему что-то нашептывал. Очевидно, план был недурный, Вася прямо сиял, слушая его. После совещания два друга стали ходить по лагерю, что-то высматривая, обмеряя, очевидно, для плана.

3. ЛАГЕРНЫЙ ДЕНЬ

Лагерь жил своей обыкновенной жизнью.

На обрыве реки сидело, скорчившись, все звено „Печатник“. Солнце так припечатало им кожу, что она лопнула и висела клочьями. Ребята уныло посматривали друг на друга и время от времени сдирали с себя наиболее надоевшие лоскутья. На быстро бегущую реку смотрели с отвращением, все они еще не могли забыть, как позавчера накупались до тошноты и весь день мучились животами.

— Ну, что вы не купаетесь?—подошел к ним Петя.

— Не хотим...

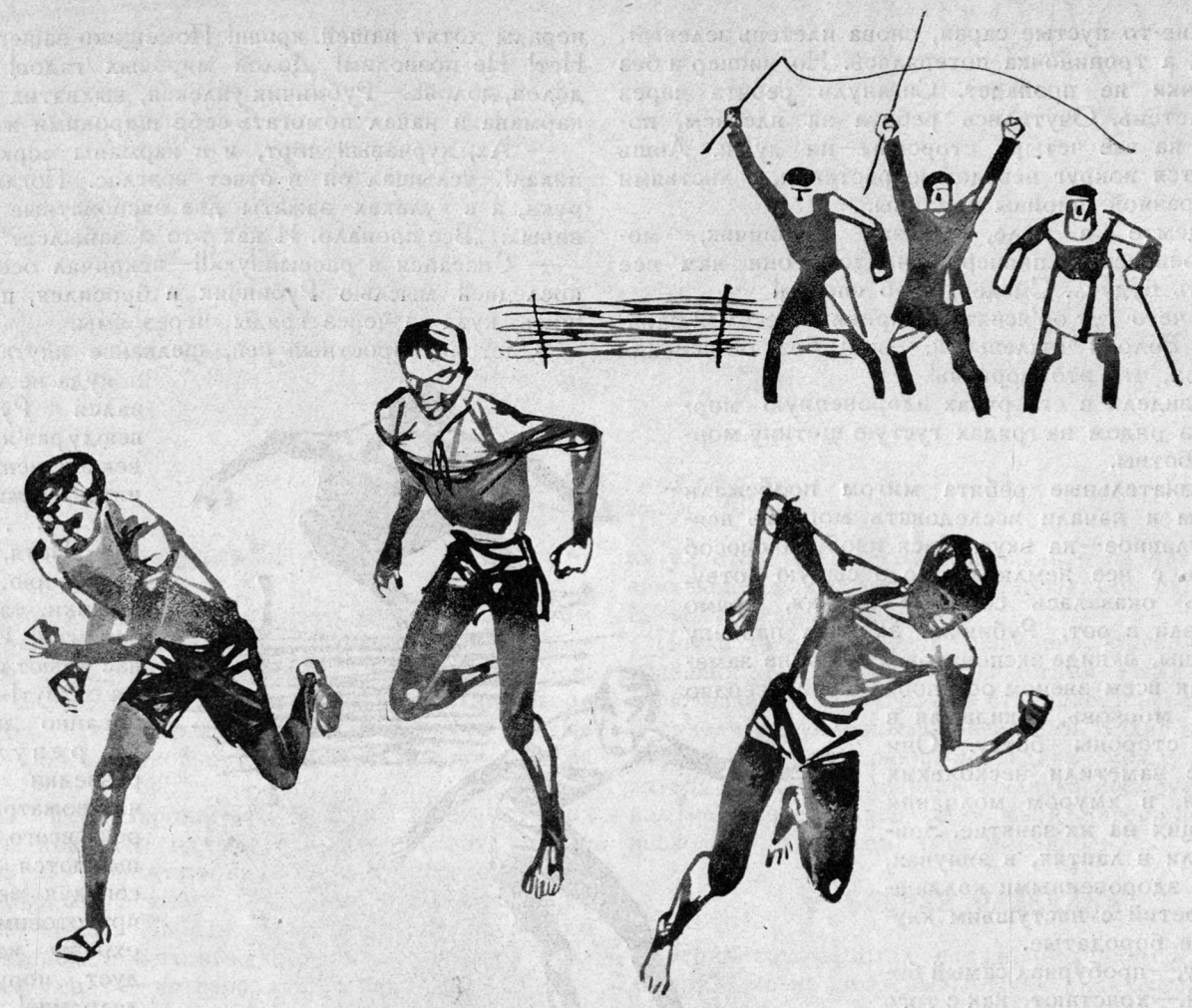
— То-есть почему, а лагерное расписание? Что там сказано?

— Купайся сам, а мы не полезем, только сейчас околетый котеночек проплыл... стошнит.

Никакой котенок не думал ни околевать, ни проплывать, но что ребят от воды тошнило—это верно. Так Пете и не удалось загнать их в реку.

Вожатый отправился раздевать для солнечной ванны звено „Смену“.

Долгое время вожатый не мог найти не только звено, но и следов злополучного звена. Вдруг из



Спасайся в рассыпную

рощи донесся звонкий голос Нади, вожатой звена. Петя со всех ног бросился туда. Не без труда пробрался он через густые заросли, и здесь обнаружил, что все звено „Смена" сидело под развесистой елью и о чем-то совещалось.

— Вы что же, солнечную ванну принимать?

— Мы хвойную принимаем.

— То есть как?

— Очень просто,—ответила Надя,—я читала, что хвойный запах полезен для легких, не все же шкуру калить, надо и легкие закаливать.

— Ну, если у меня на легких от этой закалки такие волдыри появятся, то я не согласен! — вскочил в ужасе Мишенька...

— Нет, нет, от хвойного запаха этого не бывает, а солнце, как видите, здесь мало опасно.

Пете пришлось еще дольше искать боевое звено „Красный Летчик". Рубинчика и Васю он нашел быстро, они все ходили и что-то размеряли, но оба категорически отказались закаляться,—организуют дело охраны. На вопрос—где звено?—развели руками.

Отыскивая звено, Петя так разнервничался, что стал причитать вслух—какой он несчастный, зачем согласился быть вожатым... Но в самый разгар этих жалоб на судьбу он вдруг услышал свист. Какова же была его радость, когда он увидел все звено заседающим на ветвях березы в центре лагеря. Они там вырезали свистульки и пробовали их на разные лады.

— Здорово, ребятки!

— Здорово!

— Идите на солнышко закаляться...

— Ну и выдумаешь ты всегда, Петя.

— А что!?

— Да у нас человек при смерти.

Петя даже сел.

— То-есть?—срывающимся голосом произнес он.

— Ну да, барабанщик, Володя Маленький.

— Да он же на дереве сидит!

— Вот то-то и беда, сидит, молчит и слезать не хочет, говорит—все равно умирать...

— Володь, ты что это?

— Умру я...

— Зачем, кто тебя просит умирать?

— Умру, если меня домой не отправите.

— Что же с тобой такое?

— У меня от нынешного страха сердце расширилось, и от этого все внутренности сдвинулись... умру я сегодня ночью, я чувствую, если меня домой не отправите...

Говорил Володя Маленький таким заунывным голосом, с таким грустным видом и такая печаль светилась у него в глазах, что Петя испугался не на шутку.

— Отправить нетрудно, окачурится в самом деле, хуже будет.—Петя выделил провожатых до станции, и Володя Маленький, хоть и со смертельной болезнью, резво зашагал домой.

Многие, глядя на его удаляющуюся фигуру, призадумались.

Так несложно проходил лагерный день. Незаметно подкралась ночь. Отряд поужинал, труба горниста проиграла—спать, спать, по палаткам, и скоро тре-

вожный летний сон об'ял весь лагерь. Пора становиться на дежурство. Звено „Красный Летчик" выбирало кому первому дежурить.

Вася высунул нос из палатки, оглядел зловещую тишину, обступившую лагерь, и категорически заявил—не пойду.

Другие ребята заявили, что они вовсе не хотят заболеть, как Володя Маленький, расширением сердца от страха. Раз такой здоровяк, как Вася, отказывается, они тем более не пойдут.

— Позор, позор для звена! Трусы! Земляные зайцы! — возмущался Рубинчик. Его самого немножечко разбирал страх, он чуял, что в эту ночь что-то случится. Быть застигнутым врасплох в палатке самое скверное. Лучше быть на-чеку, например, сидеть на дереве, сам чорт не сыщет! Эта идея заставила радостно забиться Рубинчиково сердце.

— Ну, вот что, ребята,—серьезно сказал он,—вы все обвиняете меня, что я ловок других подталкивать, а сам за спиной прятаться, так я вам докажу, что нет—я сам иду дежурить! У кого из вас осталась хоть капля мужества, пусть меня сменят через час.

С этими словами он вышел, запахиваясь в черное одеяло, сжимая в руке сигнальный горн. Ребята молча переглянулись. Авторитет звенового сразу поднялся в их глазах.

— Я его сменю,—сказал Миша,—я не оставлю храбреца одного.

— Я тоже...

— И я.

— Я немного сосну, — сказал Вася, — а когда проснусь, сменю обязательно.—С этими словами он захрапел, все обнимая столбик. Ребята посидели минут десять и тоже задремали на часок. Но время ночью было обманчиво, часов не видно, и они разоспались как следует.

4. КОШМАРНАЯ НОЧЬ

Рубинчик, устроившись повыше на березе, зорко наблюдал движение темноты и слушал шорохи ночи.

Вдруг около штабной палатки послышался шорох. „Ого,— встрепенулся Рубинчик, — знают куда подбираться! Но постойте, если это вы, сейчас мое приспособление вас узнает". У него сладко замерло сердце, ведь сторожевые бичевки так ловко натянуты, что нельзя подойти к лагерю, не наткнувшись на них. Натягивали они с Васей их в такой тайне, что будь тут вражеский шпион, не узнал бы. Бичевки в разных пунктах протянуты — одни к дробовому ружью в штабной палатке, другие к ракете. А все изобрел Рубинчик. Как только заденет бичевку коварный враг — сию же минуту тревога.

Не успел вглядеться Рубинчик в мелькнувшую тень, как черноту ночи прорезал огонь, бабахнуло, раздался отчаянный крик...

— Напали!—ужаснулся Рубинчик, от страха сделал неловкое движенье и сорвался с сучечком вместе. Раза два он перекувыркнулся, ударившая сигнальная ракета осветила его раскрылившуюся, стремительно шумящую сквозь сучки фигуру.

При падении ракеты в орбиту ее света вылезло из-за бугра от палатки девочек, сопровождаемое их отчаянным визгом какое-то чудище, похожее на допотопное животное и в то же время на небольшой танк. Чудище волнуясь, словно распираемое изнутри, поперло прямо к штабу пионерского лагеря...

Звено „Красный Летчик" по сигналу тревоги вскочило все сразу, как один человек (кроме Васи), и почувствовало, как что-то мягкое шлепнуло их по головам. Затем у Миши чуть шея не хрястнула, ему на голову обрушился точно мешок с землей. Ваня получил по плечу удар твердым, закорючистым. А Егорке вытянул кто-то по спине похоже резиновой дубинкой. Вскрикнув, все звено бросилось бежать.

Вася проснулся лишь тогда, когда чьи-то ноги протоптались по его телу.

— Наших бьют!—закричал Вася и бросился к штабной палатке, вспомнив о знамени. Как раз'яренный вепрь ворвался Вася в кучу людей, волокущих куда-то заветную эмблему. В один миг раскидал он в разные стороны врагов и, вспомнив прочитанный когда-то в книге подвиг солдата, переплывшего реку и спасшего знамя, бросился в воду.

Вода запенилась под его сильными руками. Но не успел он доплыть до противоположного берега, как с горы грянул выстрел и свинец впился в него сзади. Вася нырнул несколько раз и скрылся в камышах. Второй выстрел не догнал его. Он забрался в самую гущу камышей и стал исследовать раны.

— Кто теперь погиб, кто жив остался... кто еще погибнет?—сидел и гадал Вася, прикладывая свежие листочки к своим ранам.

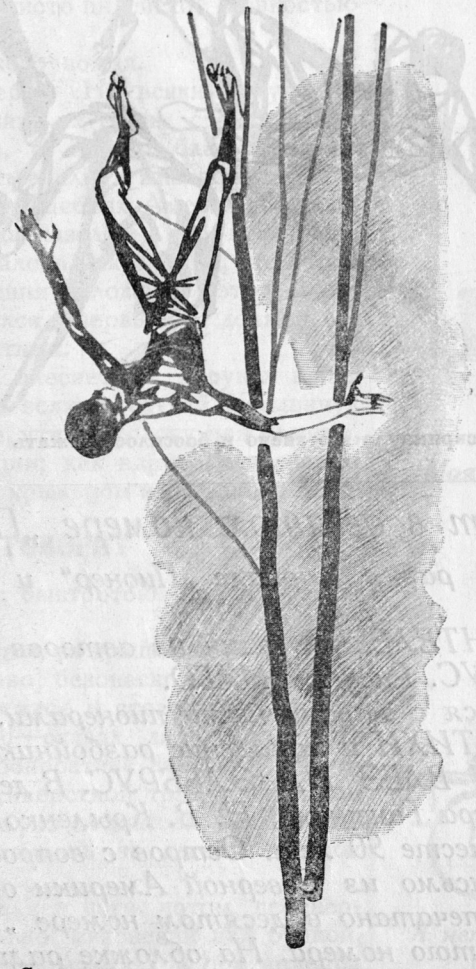
Сражение прекратилось и паника улеглась лишь к утру. Здесь сражающиеся обнаружили, что врагов нет, враги разбежались. Ребята мужественно огляделись. Разгром лагеря не поддавался описанию. Все палатки разметало, как ураганом. Вокруг разбросало вещи: коврига хлеба лежала рядом с чьим-то сапогом, полотенце захлестнулось на березку, толстый дневник отряда был полит постным маслом, как кочан шинкованной капусты. Мелких вещей не только не опишешь—не соберешь.

— Спокойствие, ребята, спокойствие, — призывал чуть не плача Петя, — а то все уцелевшее затопчем!

Слова его заглушил страшный визг, донесшийся от лагерной кухни. Ребята бросились на помощь и увидели, что то место, где вырыта кухня, покрыто палаткой и там что-то происходит.

— Неужели кто-то воспользовался суматохой и ест оставшуюся от ужина кашу?

Однако, новый крик, изданный звонким Надиным горлом, был



Сигнальная ракета осветила его фигуру

так трагичен, что это сомненье рассеялось, и ребята поспешили на помощь. Когда удалось стащить палатку, ребята, несмотря на свой перепуг, прыснули от смеху: все девчата толочились в провалившейся кухне, в кашном котле. Вытаскивали их, липких от каши и слез.

— И зачем я с Володей не уехала... а...а...—плакала его сестренка,—у меня теперь сердце навек не на месте будет...

Другие причитали на разные лады. Ребята тоже заголосили:

— Домой... мы больные... мы только притворились здоровыми... домой...

— Ребята, чего же вы заныли, ведь мы победители, врагов я нигде не вижу, они сбежали, мы должны торжествовать,—ораторствовал неунывающий Рубинчик,—я их, каналий, так напугал, будьте уверены, больше не явятся!—Он подбоченился, как герой.—А все мое изобретение...

Рубинчик об'яснил отряду, как он устроил бичевочную ловушку.

— Тот мерзавец, который первый за бичевку задел, наверно, умер от страха. Ох и бабахнуло!

После этого заявления, хмурый Петя молча взял Рубинчика за шиворот и стал трясти изо всех сил, как спелую грушу. Тряс он его до тех пор, пока глаза бедняги вылезли из орбит, вот, вот вывалятся.

— За что ты его, за что?—бросились ребята.

— Уф... — отдышался Петя,—ведь этот мерзавец, который веревку первый задел, едва жив, — это я!

Молчаливое изумление пронеслось по всем лицам.

— Да, это я проходил мимо, налетел на веревку.

— Провокация, — заорал Рубинчик, — они были, это я их напугал!

— Правильно, меня какой-то колом огрел, это не факт?— и Мишка звеновой „Печатника" показал фонарь под глазом.

Вскрикнуло все звено и бросилось бежать

— Не ты ли, Петя, знамя со стрельбой защищал?

— Эх, знамя! Ведь утащили его все-таки, пропало знамя!

— Нет, я его спас! — из воды вылез Вася и торжественно развернул мокрое, но целехонькое знамя.

— Ура!—восторженно закричал отряд.

— Долой Петю, он хочет свести на-нет все наши подвиги, — рявкнул Рубинчик.

— Правильно, за что же я ранен? Долой! — крикнул Вася.

— Долой!!! — поддержал отряд.

Поднялась буза и шла до самого полдня. Одни говорили—были бандиты, другие — нет; так ни на чем и не решили, однако, твердо постановили—домой. Были бандиты—домой, пока еще раз не пришли.

Не было их—тоже домой, еще один такой испуг, и можно умереть. Но тут Надя пошепталась с девчатами и выскочила, еще в кухонной саже и в каше, но пылающая задором:

— Трусы, ребята, езжайте домой одни, девчата останутся. Подумаешь, одной лагерной тревоги испугались, в других отрядах такие тревоги каждую ночь, вот! Эх, вы!

— Что ты гордишься, — осадил ее Рубинчик, — мое звено домой и не собиралось, мы только поддакивали, чтоб поглядеть какие все трусы.

Третье звено тоже поспешило отказаться от поездки домой, и отряд остался.

Загадочные бандиты, чуть было не сорвавшие лагерь, так и не были обнаружены. Вопрос оставался открытым. Рубинчик, его звено и звено „Печатник" всячески доказывали, что бандиты были, а Петя, Надя и многие девочки отрицали. До сих пор идет спор о загадочном нападении.

Кто из них прав?

Что будет в десятом номере „Пионера"?

ЗВЕНОСКОП. Первый раз в журнале „Пионер" и во всех других журналах. Что такое звеноскоп?

Новый рассказ Л. ПАНТЕЛЕЕВА (один из авторов „Республики ШКИД").

КАРЛУШКИН ФОКУС. Рисунки МАГО.

Бумеранг переписывается с заграничными пионерами.

КАК МЫ ПИШЕМ СТИХИ и нападение разбойников на редакцию „Пионер".

ПИОНЕР ГАНЕЦКИЙ ВЛЕЗ НА ЭЛЬБРУС. В десятом номере описано восхождение на Эльбрус пионера Ганецкого, Н. В. Крыленко и др.

Новые задачи: Всем вместе 90 лет. Остров с вопросительным знаком.

Редакция получила письмо из Северной Америки от пионеров группы Сакко. Оно все целиком будет напечатано в десятом номере „Пионера".

Все ребята ждут десятого номера. На обложке радио в лодке.

АНАТОША ОДУВАНЧИКОВ В СТРАНЕ КРАСНОКОЖИХ

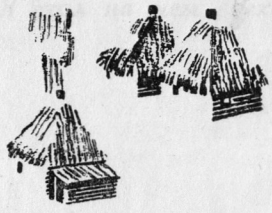
Рассказ ГР. ГРАДОВА
Рис. худ. К. КУЗНЕЦОВА

(Продолжение)

3. ДЕТИ ВЕЛИКОГО ВОЖДЯ

Проехав какую-то деревушку, низенькие домики которой были словно приплюснуты сверху густыми зелеными ветками громадных деревьев, мы спустились в овраг, поднялись в гору и очутились перед новеньким блестящим забором, над воротами которого была прибита доска с надписью:

УЗУ. 8-й АГРОУЧАСТОК



Проехав какую-то деревушку...

„Узу! У-з-з-з-у!“ Это было похоже на боевой клич какого-нибудь воинственного индейского племени. Я постарался на всякий случай запомнить это короткое, звучное словечко.

Едва мы в'ехали в ворота, как навстречу нам с криком: „О-го-го! Папка приехал!“—бросились двое молодых краснокожих. Да, да! Если краснокожими вообще называются люди, у которых кожа напоминает цветом только что вычищенную кастрюлю, то эти туземцы безусловно были „краснокожими“.

Еще большее сходство с этой благородной расой придавал им их костюм или, вернее, почти полное отсутствие костюма, так как, кроме коротких трусиков, при самом тщательном осмотре, мне на них ничего другого, напоминающего какую-либо одежду, обнаружить не удалось.

Подбежав с двух сторон к телеге, они схватились за ее края и, несмотря на то, что дядя Федя ни на минуту не задержал бег лошади, с невероятной, чисто индейской ловкостью на-ходу вскарабкались на телегу.

Безусловно, это были дети великого вождя.

Их лица не внушали мне доверия. На всякий случай я надвинул кепку, чтобы не соблазнять их видом своих волос.

Это, конечно, была не трусость, а просто благоразумная предосторожность: долго ли содрать скальп с живого человека?

Я сам во время своих скитаний в дебрях Америки сдирал их целыми дюжинами, и мне всегда казалось, что это очень веселое занятие. Наверно, мне казалось так потому, что я сам был „сдирающим“, а вот в положении человека, который рискует быть „ободранным“, я очутился впервые и, должен сознаться, положение это не из приятных.

Моя позиция

Я пристально вглядывался, не блеснет ли в руках юных индейцев томагавк или нож, и на всякий случай придвинул поближе к себе свои узелки, чтобы, уткнув голову между ними, спасти себя от мучительной операции; как вдруг дядя сказал: „Тпру!“—и мы остановились перед крыльцом небольшого деревянного дома.

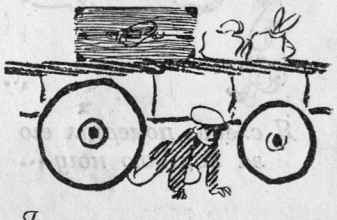
4. ДЯДЯ ФЕДЯ ГОВОРИТ

Оба моих воображаемых врага с быстротою молнии оказались на земле.

Я лично не торопился. Моя позиция, на крышке собственного чемодана, казалась мне сравнительно безопасной и прочной, а там, внизу, меня ожидало неизвестное и страшное будущее.

— Приехали! Слезай, Анатолий!—сказал дядя, сбрасывая с телеги связки купленных им в кооперативе веревок.

Легко сказать—слезай! От десятиверстной тряски ноги мои затекли и онемели. Стоило мне только подняться, как я тотчас же убедился в том, что рассчитывать на легкий прыжок вниз не приходится.



Я неторопливо вылезал из-под телеги

Я сел на край телеги, спустил с нее ноги, потом, перевернувшись на живот, повисел несколько мгновений над будкой, болтая ногами в поисках точки опоры. Дядя и оба индейца

Пляска диких

с живым интересом наблюдали за всеми этими странными манипуляциями.

Наконец, я решился.

Прыжок оказался в высшей степени неудачным.

Я неторопливо вылезал из-под телеги, сохраняя, насколько было возможно, небрежный и независимый вид человека, попавшего туда по собственному желанию, чтобы посмотреть, все ли там благополучно.

Откровенный хохот юных туземцев меня смутил.

Тут молчаливый дядя Федя разразился целой речью, которая сразу определила наши дельнейшие отношения.

— Смешно, но не очень! Анатолий—малый городской, на телеге никогда не ездил, ну, вот его и растрясло. Кроме того, он был болен. Между прочим, я вас еще не познакомил? Юрка,—ткнул он пальцем в одного из индейцев.—Васька,—указал он на другого.—А это—Анатолий, Анатоша, как зовет его тетка. Мы будем звать его Толькой. Так вот! Никаких драк, никаких обид! Вы должны добиться того, чтобы он через месяц стал таким же здоровым парнишкой, как и вы сами. Понятно?

— Понятно!—в один голос ответили ребята.

— Завтра я вас, всех троих, отправлю путешествовать,—продолжал дядя Федя,—поведете к Еремеичу лодку.

— Ура!—заорали ребята, отхватывая в восторге пляску диких вокруг телеги.

Тетин чемодан

Я не знал, кто такой Еремеич и почему надо радоваться тому, что мы поведем к нему какую-то лодку, но все же решил поддержать общее настроение: я тоже закричал, замахал руками и крикнул „ура!“

— Цыц!—замахнулся на нас дядя Федя. Мы замерли.

— Распрячь Буланку и отогнать в ночное. Накачать воды. А ты, Толька, таскай свои вещи в дом, здесь, брат, люди все занятые и нянек никому не полагается.

Дорогая тетя! Если бы ты знала, как я проклинал твою заботливость, таская в дом чемодан, две корзины и четыре узелка!

Во время этой работы я узнал от ребят массу интересных вещей, а именно: что Еремеич живет в 70 верстах вниз по реке, что дядя Федя брал у него лодку на время, что мы поедем туда на лодке, а оттуда пойдем пешком, напрямик, верст 40, что у меня самая смешная курточка в мире и, наконец, что хоть, кажется, я и славный малый, но все-таки „тюря с квасом“. Я не знал, что такое „тюря“, и поэтому обиделся, но не очень.

Что ж, бывают и хуже

5. Я ТОЖЕ „РАБОТАЮ“

Тетя Лиза, жена дяди Феди, была так же молчалива и решительна, как ее муж.

Она подошла ко мне, взяла за плечи и, повернув меня лицом к свету, осмотрела с головы до ног.

— Что ж, бывают и хуже!—об'явила она, окончив осмотр.—Ничего, выходишься.

Сознание, что где-то есть ребята „хуже меня“, мало меня порадовало. Откровенно говоря, я сомневался, что можно найти мальчика „лучше“ меня, а тут, вдруг, пожалуйте... В течение нескольких часов услышать, что ты „фигура“, „тюря с квасом“ и, наконец, что бывают и „хуже“—это было уж чересчур.

Дома, в Москве, с теткой и двенадцатью старушками я бы знал, что делать в таком случае. Но какой смысл плакать, раз никто не обращает на тебя ни малейшего внимания? Все заняты своим делом: дядя отмечает что-то в записной книжке, тетя Лиза жарит яичницу, Юрка качает воду из колодца, а Васька только что проскакал мимо окна верхом на Буланке.

Я слегка подергал его за заднюю ногу

Я сдержал свое негодование и подошел к дяде.

— Дядя Федя, я перенес вещи!

— Ну?—спросил он, не отрываясь от книжки.

— Что же мне теперь делать?

— А?—он удивленно посмотрел на меня,—тебе делать нечего?

— Хм!..—он на минуту задумался.

— Ага! Видишь поросенка?—указал он в угол двора.

— Вижу!

— А дверь в свинятник видишь?

— Вижу!

— Так вот, загони поросенка в свинятник!—и он снова углубился в свои записи.

„Ладно! Покажу я им, чего я стою. Меня никакой ответственной работой не испугаешь!“

Я вышел на двор и подошел к поросенку. Вид у него был удивительно кроткий. Он лежал на правом боку, на куче навоза и с самым невинным выражением на своем поросячьем лице поглядывал на меня прищуренным глазом. Я слегка подергал его за заднюю ногу.

— Домой! иди домой!—сказал я не громко, но достаточно убедительно.

Розовое ухо поднялось, насторожилось и опустилось опять. Я дернул сильнее.

— Иди тебе говорят!

Поросенок приподнял голову и слегка отбрыкнулся ногой: „отвяжись, мол, чего привязался?“

Я окончательно рассердился и изо всей силы потянул его вниз, с навозной кучи.

В дальнейшем события развернулись с невероятной быстротой. Поросенок, взбрыкнув ногами, отчаянно завизжал и бросился под меня. Зажав его коленями и шлепнувшись при этом носом в навоз, я некоторое время ехал на нем верхом, лицом к хвосту.

Почувствовав, что мои силы ослабевают, я разжал ноги и, несколько раз перевернувшись через голову, лег пластом в плоское корыто, наполненное какой-то скользкой и теплой дрянью (впоследствии я узнал, что это была смесь моченого хлеба, пареного овса и творога для цыплят).

Поросенок, как будто ничего особенного не случилось, мирно помахивая хвостом, не торопясь, направлялся к своей излюбленной куче навоза.

Я рассвирепел. Охота на диких кабанов всегда была моим любимым развлечением. Я убивал их тысячами в густых прибрежных зарослях Миссисипи и в камышах Калифорнии. А тут вдруг какой-то поросенок меня, великого следопыта, тычет носом в навозную кучу!

Схватив вместо копья метлу, я храбро устремился на врага. Тихий дворик заметно оживился: поросенок визжал, цепная собака злобно лаяла, куры, испуганно кудахтая, дождем рассыпались в разные стороны...

Размахивая метлой, с боевым криком предков—У-ззз-у!—я, не отставая ни на шаг, несся за поросенком.

Дядя и тетя выскочили на крыльцо и что-то мне кричали, но что—я не слышал. У меня была одна цель—во что бы то ни стало хватить своего врага метелкой.

Поросенок заметно начал сдавать. Вот-вот, ближе и ближе!.. Я уже поднимаю метлу и нацеливаюсь ею в нахальный, вертлявый хвост, как вдруг сильная рука дяди Феди хватает меня за куртку и останавливает на полном ходу.

— Собственно говоря, чего ты хочешь?—спокойно спрашивает он.

— Как чего? Загнать поросенка,—с достоинством отвечаю я.

— Так-с!.. А куда?

— В свинятник, конечно.

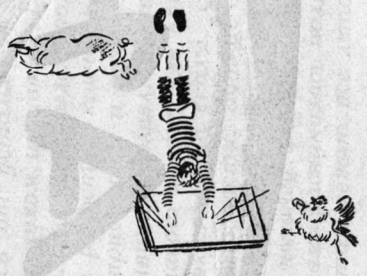
— Н-да! А как же он войдет в свинятник, раз дверь в него затворена.

Я никогда не думал, что какой-то глупый розовый поросенок может вывалять человека в навозе, загонять его до одышки, да потом еще заставить его покраснеть. Оказывается, приехидное животное!

Впрочем, это вообще был неудачнейший день в моей жизни.

(Продолжение следует)

Я ехал на нем верхом



Пластом в теплое корыто

Я несся за поросенком

Собака злобно лаяла

Год издания 1-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

БУМЕРАНГ № 3

МАЙ СТЕННАЯ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“ 1928 г.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

В даль плывут
облака,
плачет день
и поет...
Уж ломает река
крепко скованный лед.
А обветренный куст—
раньше был
гол
и пуст
— стан раскинутый свой
разукрасил листвой.
Зеленеет трава,
скинул клен
сети
сна,
молода и нова
к нам подходит весна.
Сжался снег,
посерел,
близок птиц
перелет.
Солнце тысячи стрел
нынче на землю шлет.
В ленте торных дорог
грязь везде,
где ни глянь.
Под колесами дрог
зашуршала земля.

Деткор Игорь Строганов

ПЕРВАЯ НОЧЕВКА

Мы решили провести хоть одну ночевку за целое лето. Сказано—сделано. Было 7 часов вечера, когда мы шли по городу, неся брезенты для палаток. Через десять минут мы были на месте. Стало темнеть, когда мы начали таскать сучья для палатки. К девяти часам все, сидя у костра, с большим аппетитом ели огурцы с хлебом. Часов в 10 мы легли спать, выделив для дежурства ребят по два человека на три смены. К одиннадцати часам лагерь замолк, и было слышно сладкое сопение ребят и легкий треск костра.

Застучал топор, запылал костер

Утром мы вскочили, думая, что уже 6—7 часов, но было еще только 5 часов утра. Мы сейчас же выкупались, а через полчаса завтракали. После этого мы играли в баскетбол, в казаки-разбойники, стреляли из луков, винтовки и т. д.,—было очень весело. Отдохнув и снова выкупавшись, мы собрались домой, оставив за собой потухающий костер.

Деткор Пирожок

г. Белый, Смол. губ.

ПРОПАВШИЕ ЗВЕНЬЯ

Никто не знал, что 2-е звено ушло в поход, так таинственно они это подготовили.

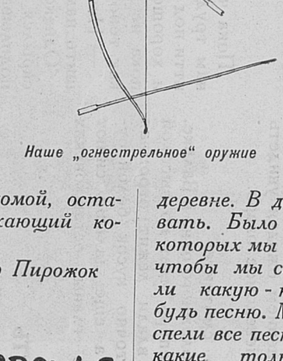
Утром просыпаемся,—2-го звена нет, нет и физкультурника Миши. Вожатые улыбаются, как-будто ничего не знают. Оказалось, что звено пошло в поход на 2 дня. Цели похода были следующие: получить походные навыки (ходьба на далекое расстояние, носка тяжестей, уменье ориентироваться в местности, разжиганье костра, варка пищи). Ознакомиться с ближайшими лагерями и окрестностями Звенигородского уезда. Было пройдено 50 верст. Потом походы провели все звенья. Походы на ребят хорошо повлияли; до похода первое звено было группой вечно спорящих ребят, а после похода стало спаянным звеном, как будто бы оно провело вместе не один день похода, а месяцы дружной работы.

Все берите с собой, кроме колбасы

Москва *Деткор Л. И.*

НА СНЕГОВЫЕ ГОРЫ

Прощальный день нашего житья в лагере 1927 года был посвящен экскурсии на снеговые горы, за 25 верст от лагеря. Идущих на экскурсию было 10 человек. Захватив все необходимые припасы, мы отправились в 9 часов утра. Шли не спеша. Солнце палило, и мы каждую минуту прикладывались к баклажкам. Шли долго, разговаривали и незаметно подошли к деревне. В деревне остались ночевать. Было весело: крестьяне, у которых мы ночевали, просили нас, чтобы мы спели какую-нибудь песню. Мы спели все песни, какие только знали.



Наше „огнестрельное“ оружие

Пить страшно хочется

На утро стали подниматься по небольшому под'ему, который тянулся около 3-х верст. Наконец, мы подошли к крутому под'ему ущелья. Все обрадовались этому ущелью: думали, что там найдется вода. Но воды там не оказалось никакой, и жажда одолевала нас. Солнце палило, ноги подламывались от усталости, но мы, не падая духом, шли вверх. Вдруг один из пионеров увидел родник. Он стал радостно кричать, на крик его прибежали и все остальные. Напившись, полезли выше. Долезли до такого места, где приходилось карабкаться на скалы, сзади нас были пропасти. Вообще дорога на вершину горы была очень плохая. Вот наконец и вершина горы. Перед нами раскинулась поляна снега, снег там лежит все лето; полюбовавшись открывшимся видом, стали спускаться. Приходилось сползать на четвереньках. Спустившись полверсты, мы над головами увидели небольшое стадо диких коз, козы прыгали со скалы на скалу.

Ах! какая вода холодная да вкусная

Спустились с горы в 7 час. вечера. Переночевали в деревне Ново-Николаевке, а на утро пошли в свой лагерь. Тем и кончилась наша экскурсия.

Пионер Вася Лецко

Кзыл-Орда

КАК ПО ВОЛГЕ МЫ КАТАЛИСЬ

Бесконечно тянутся волжские берега

„В г. Самаре проводилась пионерская экскурсия в Казань и Ульяновск“.

Группа веселых ребят в красных галстуках любовалась бесконечно тянущимися берегами Волги. Едет 26 человек. Вечер. Солнце бросает последний луч на искрящуюся зеркальную поверхность Волги.

Готовимся ко сну. Нехватает коек. Некоторые спят по-двое. Другие ищут, где примоститься. Но число блуждающих все уменьшается. Вожатые нечаянно захрапели, сидя.

На утро встали бодрые, свежие и веселые.

И опять рассыпались по пароходу.

КАЗАНЬ

Вдали виднеется Казань. Глаза напряженно смотрят на приближающийся город. Вот он скрылся за горой, через несколько минут опять появился. Раздаются голоса пионеров: „Что больше — Казань или Самара?“ Резкий гудок парохода обрывает спор, и все бросаются за своими вещами.

В Казани мы пробыли два дня; осмотрели Центральный музей, Музей развития человеческой культуры и „старую Казань“. Уезжая, оставили адрес рабочим трампарка, радушно принявшим нас.

УЛЬЯНОВСК

Ульяновск! Среди разношерстной публики мелькает красный галстук. Мы направляемся к нему. Ульяновцы встретили! Разговаривая, взбираемся на гору.

Ульяновск—маленький, утопающий в зелени город. Мы с удовольствием провели там время, познакомились с пионер-организацией и осмотрели город. На следующий день попрощались с Ульяновском и поехали домой.

Пионеры 19-го отряда г. Самары союза Медсантруд

В ПТИЧЬИХ МАСКАХ

Мы сделали 22 скворешницы и 5 птичьих масок. Вытащили 25 марта все сделанные скворешницы, поставили около школы, потом с ними да с флагами пошли по деревне. 5 учеников надели маски. Около кооперации устроили кукольный театр и показали „Петрушку“. Скворешницы роздали крестьянам. 9 скворешниц развесили около школы. 7-го апреля прилетели скворцы и начали осматривать наши скворешницы.

Ученики 3-го отд. Бурцевской школы I ст., Нижег. губ.

500 ВЕРСТ НА ЛОДКЕ

НОМАД

Озеро Селигер

1. ЗДРАВСТВУЙ, СЕЛИГЕР!

Мерно постукивают колеса:

— Тук-так-так! Тук-так-так! Тук-так-так!

Нас трое. Мы едем в город Осташков, на озеро Селигер. Отсюда начнется двухнедельное путешествие на лодке. Сначала по озеру, потом вниз по Селижаровке и дальше по Волге до Твери.

„Путешествие" — какое заманчивое и многообещающее слово! Интересные встречи, новые заботы, каждый день новые картины и, может быть, даже приключения!

Еще вчера днем мы бегали по Москве, а теперь 300 верст отделяют нас от шумной столицы.

Сейчас под'езжаем к Осташкову. С минуты на минуту должно показаться озеро. Вот почему никто не отходит от окон, с нетерпением ожидая увидеть это долгожданное и для нас неведомое озеро.

Наконец, Валька заорал:

— Озеро! Озеро! Вот оно, смотрите!

Мы бросились от противоположного окна к Вальке. Поезд выбежал из лесу и теперь идет по высокой насыпи. Справа и немного вдали лежит огромная голубая гладь, на которой, точно кусок белой бумажки, колышется парус, а еще дальше сияют в утренних лучах золотые главы осташковских церквей.

2. В ПУТЬ

Мы уже 3 дня живем в городе. С ног сбились, ища лодку. То совсем не продают, то просят 40 руб.

— Неужели в Осташкове нельзя купить лодки,— в сотый раз допрашиваем мы Сережу, нашего приятеля и гостеприимного хозяина.

— Достать можно, но трудно. Время уже прошло. С весны за 15 рублей можно было купить очень хорошую лодку.

Однако, с помощью того же Сережи и старого рыбака—дяди Нила, лодку все-таки достали. Заплатили за нее всего 24 рубля. Лодка старая, но еще крепкая и, главное, только что отремонтированная. Счастливые удачной покупкой, мы сегодня же отправляемся в путь. А путь наш лежит через остров Клично на Городомлю и, может быть, дальше.

— Там будет видно,—решили мы, когда встал вопрос куда „дальше".

Лодка, привязанная длинной цепью к набережной, покачивается на волнах. Все уложено. Продукты, одеяла, посуда, палатка заняли все пространство между скамейками. Валька и Оскар сидят на веслах, Сережа на корме. Я прощаюсь с провожающими. Дядя Нил говорит нам:

— Поставите парус—берегитесь ветра. На середке-то ветер гуляет сильный. Дунет—сразу может перекувырнуть. Отпускай тогда совсем веревку!

— Ладно! Спасибо, дядя Нил.

— Ничего не забыли?

— Все здесь!

— Ну, в добрый час!

Цепь громыхнула и мы, оттолкнувшись, двинулись в путь.

— Постой, а где топорик?—вдруг спохватился Оскар.

— А вы его не взяли с плиты?

— Нет!

— Ах, вы, разини!

Однако, без топорика в лесу, как без рук, нужно возвращаться и бежать за ним.

— Аль, что забыли?—спрашивает дядя Нил.

— Топорик.

— Ну не будет вам пути!—говорит Сережина сестра.

Это не плохо. Раз „не будет пути"—значит будет приключение, а раз с первых же шагов приключение, значит и дальше много.

Пока что все благополучно. Грести с непривычки нам трудно. Дядя Нил говорит, что весло должно итти под самой поверхностью воды—тогда не устаешь и хорошо идет лодка. Однако, никому из нас это пока не удается. У нас весло то брыжжет, то тонет, как топор. Двигаемся мы страшно медленно.

— Ничего—научимся!—утешаем сами себя.—Спешить нам некуда.

Однако, все-таки забрались мы уже далеко. Город скрылся за каким-то маленьким островком и мы подплываем к острову Клично. Сережа нам рассказывает откуда произошло это название.

Говорят, что очень давно, когда еще не было Осташкова, на нем стояло славянское укрепление. В минуту опасности на клич князя сюда сбирались воины с окрестных деревень. Вот поэтому остров и стал так называться.

— Хорошее название „Клично",—задумчиво говорит Валька,—в нем слышится что-то очень древнее.

— А почему Городомля называется Городомлей?— спрашивает Оскар.

— Этого я не знаю,—отвечает Сережа.

— Ночевать будем на Городомле?
— Я думаю, да.
— А вы?
— Мы также думаем.

Так мы решили относительно первой ночевки.

Усталые мы добрались до Городомли. Было уже почти темно, когда на высоком берегу запылал наш костер. В это время появился первый враг с той стороны, откуда мы его совсем не ожидали. Налетела такая уйма комарья, что совершенно нельзя было сидеть. Они кусали наши голые ноги, руки, шею, лицо, забирались в уши и под рубашку.

Мы безжалостно избивали их и, наконец, вскочив на ноги, стали отплясывать какой-то дикий танец, размахивая руками во все стороны. Но и это не помогло. Лишь только мы садились, как кусачая армия снова набрасывалась на нас.

— Давайте укутаемся в полотнища и сядем под дым, может быть, это поможет.

Так мы и сделали. Сели вокруг котелка в густую струю дыма и точно три привидения, с ног до головы закутанные в белые саваны, начали жадно... уничтожать кашу.

3. ПЕРВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Ночь провели очень скверно. Хотя в палатке заткнули, кажется, все щели и накурили едкого дыма, все-таки ничего не помогло. Сотни кровопийц осаждали нас до самого восхода солнца.

Утром стал накрапывать дождь и поднялся ветер. Потом дождь прошел, а ветер остался.

— Вот хорошо кататься под парусом!

Валька и Оскар немедленно отплыли, но с парусом управляться никто из нас еще не умел, и поэтому прогулка скоро надоела.

Целый день мы купались, приводили в порядок дневники и занимались оборудованием лодки. На песчаной отмели мы нашли выкинутый волнами ящик. Его доски пошли на устройство пола в нашей лодке и маленьких отделений на носу и в корме для разных мелочей.

Между тем, ветер не унимался, и на озере появились волны с белыми гребешками.

— Нужно ехать! — сказал Сережа.—У нас на озере может разогнать такую волну, что потом не скоро отсюда выберешься.

— Да, пора обратно!

Быстро сложили в лодку все имущество и торопливо поплыли к городу. Однако, то, что казалось нам небольшими волнами с острова, на самом деле оказалось большими и страшными валами, когда мы выехали в открытое озеро. Нас стало подбрасывать, как маленькую щепку.

Стало непривычно жутко. Мы лихорадочно работали веслами, но лодка плохо слушалась и все становилась боком к волне. Несколько раз набегали огромные валы, и тогда нас чуть не опрокидывало. В довершение бед выяснилось, что двое почти не умеют плавать.

— Что же делать?!

Стали смотреть, куда ближе. До Клично далеко, до Городомли все-таки ближе, не больше одной версты.

— Давай обратно! Держи поперек волны!

Между тем, ветер все больше крепчает, и волны все чаще заливают наши вещи и ноги. Оскар, вцепившись одной рукой в скамейку, другой прижимает к груди завернутые в полотнища фотопринадлежности. Если они замокнут, то пропадет не только то, что уже снято, но и те несколько непочатых дюжин пластинок, которые рассчитаны на дальнейшее путешествие. Валька и Сергей сидят на веслах и, несмотря на холод, лица их красны, и капли пота бисеринками выступили на лбу.

— Нас сносит!—замечаем мы.

Да, действительно, здорово сносит.

— Только бы добраться до берега, пока не пронесло мимо острова!

В конце-концов это нам удается. Мы пристали к берегу на самом дальнем конце острова и, успокоенные, вытащили лодку на низкий берег.

— Началась буря. Придется переждать, пока она утихнет,—говорит Сережа.

Мы сидим под соснами у самой воды. Стемнело. Тяжелые, быстро несущиеся тучи заволокли небо. Накрапывает дождь. Мы сидим у костра и смотрим, как порывы ветра роются в остывшей золе и, подхватив ее вместе с искрами и дымом, быстро уносят в тьму. Искры нам кажутся красными лентами, описывающими сложные кривые на черном бархате.

Цепь лодки беспрестанно и жалобно гремит. Волны ведут суровый разговор. Мы слышим, как они, налетая на прибрежный песок, злобно шепчут:

— Шш-у-у! Шу-у! Шш-у-у!

— Сережа,—спрашиваем мы,—долго может продолжаться эта буря?

— Очень долго. Иногда такая погода затянется на целые недели.

— Что же мы будем делать? Ведь у нас продуктов только на три дня.

— Ничего с голоду не помрем,—успокаивает нас Сережа.

Наша лодка и я на ней

На острове мы прожили три дня. Буря не утихла. Озеро совсем потемнело. Мы видели первые баржи, торопливо проплывшие к городу, точно стая белых лебедей, только на утро третьего дня. Есть нам было нечего. Да и надоело сидеть на одном месте. Остров был обследован вдоль и поперек. Мы были на маленьком озерке, имеющемся на острове, посетили на этом озерке островок „Сердце Монаха“, где жил прежде отшельник. Теперь отшельника нет, и мы нашли только остатки его полуразвалившейся землянки.

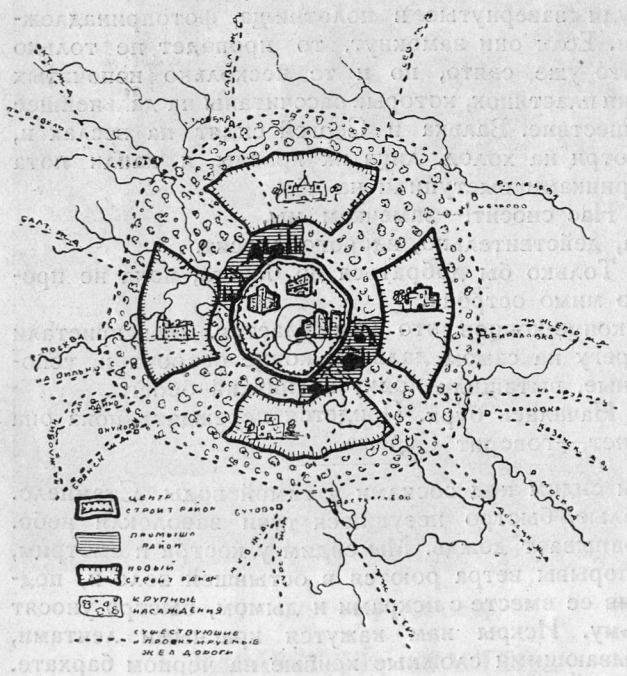
— Если буря не утихнет, нужно что-нибудь предпринимать!

На наше счастье к вечеру волны стали немного меньше, и мы рискнули плыть к Осташкову. Страшно было, но добрались благополучно.

Это было наше первое и самое интересное приключение в путешествии.

ОКОШКО

МОСКВА БУДУЩЕГО



Москва растет. И растет не по годам, а по дням и неделям. В каждый месяц население Москвы увеличивается на 10—12 тысяч жителей. Каждый месяц Москва выростает на 15—20 шестиэтажных домов.

Но ведь совершенно ясно, если Москва будет расти так быстро и к тому же неорганизованно, то в конце-концов вырастет не мировой город, а беспорядочная толпа домов, улиц и площадей.

Для того, чтобы Москва будущего представляла не паутину из улиц и переулков, а стройную систему проспектов и площадей, расширение ее должно итти планомерным путем. Уже и теперь растет Москва не бессистемно, а, наоборот, очень организованно, по планам и схемам, которые разработаны специалистами-коммунальниками. Москва должна вырости в большой прекрасный город, разделенный на пять круговых зон: центральную, промышленную, садовую, лесную и железнодорожную.

В каждой из этих пяти зон будет протекать своя особая жизнь. В центрально-городской зоне сосредоточатся все административные, торговые и другие учреждения. Кроме серых железобетонных небоскребов, полных делового шума, в центральной части города больше ничего не будет.

Центр поясом охватит следующая промышленная зона. В ней будут все фабрики и заводы города, и опять больше ничего.

За этой зоной раскинется садовая зона. Тут собственно и будем жить мы с вами. К обширным садам и свежему воздуху этой зоны будут после трудового дня приезжать на отдых служащие и рабочие из центральной и промышленной зон.

Следующая лесная зона будет состоять из сплошной лесной массы, кольцом охватывающей город. Лесное кольцо будет как бы лабораторией по выработке свежего воздуха, который будет проводиться в город четырьмя парками, врезающимися клиньями в центр города.

Заключительной зоной раскинется вторая окружная дорога. Та окружная дорога, которая теперь охватывает Москву, в будущем будет отделять только центральную зону. Промышленная же, садовая и лесная расположатся за ней, а их охватит последняя железнодорожная зона, или, иначе говоря, большая окружная дорога, которая будет по своей окружности насчитывать около 170 километров.

Вот какой большой будет будущая Москва.

СТАЛЬ, КОТОРАЯ НЕ РЖАВЕЕТ

Когда во время империалистической войны к американцам попали некоторые германские суда, то американцы были удивлены. Стальные днища судов блестели так, как будто их только-что спустили на воду.

Американцы задумались. Наконец решили: „Немцы изобрели нержавеющую сталь и об этом никому не говорят“. Решили и сами изобрести такую сталь. Но до сих пор изобрести не успели. Зато у нас на Урале совершенно случайно на одном руднике открыли нержавеющую сталь.

Произошло это так. Года два тому назад один мастер сварил клещи для работы в чанах с кислотами. Служили эти клещи долго и не раз'едались кислотами. Но на это никто особого внимания не обратил.

Когда же заговорили о нержавеющей стали, то вспомнили о клещах и сказали мастеру: „Вари сталь, которая бы не ржавела“. Но как ни бился бедный мастер, никак не мог вспомнить той пропорции, в которой он брал руду, медь, магнезию при варке клещей.

Тогда спаялась тройка из двух инженеров и этого мастера, и в конце-концов, потратив много трудов, им удалось найти секрет нержавеющей стали.

РЕДКОЕ ЖИВОТНОЕ

В Нью-Йоркском зоопарке много ценных животных. Среди них самое почетное место занимает изображенное на фотографии страшилище.

Это среднее между ящерицей и тритоном называется — легуаном. Легуан—это представитель вымершей породы, когда-то водившейся в тропической полосе.

Его предки были великанами. Он и сам не маленький. Не меньше, не больше, как полтора аршина длиной. Эти полтора аршина покажутся еще больше, если его поставить рядом с нашими обыкновенными ящерицами и тритонами. А ведь легуан их ближайший родственник.

Легуан

ВСЕ СТРАНЫ

ЖИВЫЕ ПУЛЕМЕТЫ

В океанах и морях живут интереснейшие существа—медузы и актинии. И те и другие построены совсем просто. Ни глаз, ни жабер, ни легких, ни костей у них нет. Сплошной кишечник. Но зато по форме они очень разнообразны.

Актинии напоминают цветок, а медузы прозрачны, как вода. Между тем они имеют такую внушительную защиту, которая не безопасна для человека. Собственно говоря, медуза и актиния—это живые пулеметы.

Тела их усеяны множеством пузырьков. Когда медуза или актиния кем-нибудь взволнованы или раздражены, эти пузырьки лопаются, лежащие в них свернутые нити вылетают и впиваются в тело того, кто их потревожил.

Но кроме того эти стрелы—охотничье оружие медуз. Мелкие моллюски и другие безобидные обитатели океанов убиваются такими стрелами, а затем попадают в кишечник живых „пулеметов".

У некоторых медуз стрелы начинены ядом и уколы их способны

Актиния

вызвать сильную боль и у человека.

Но что останется от живого пулемета, если его вытащить на берег?

Он испарится. Тело его, как губка, впитавшая воду, прямо на глазах высохнет, и от живого пулемета останется всего-навсего комочек пленки.

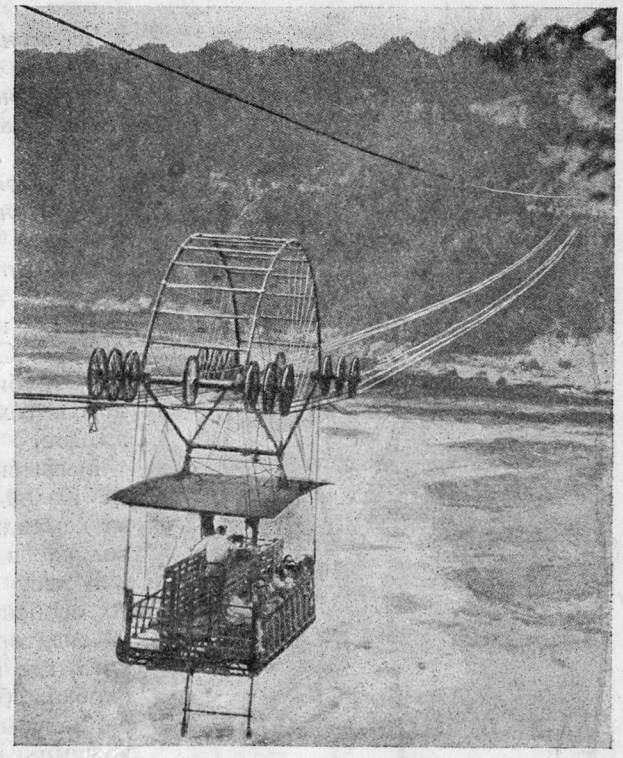
Пионеры и школьники СССР строят самолет „Пионер". Чем вы, ваш отряд и ваша школа помогли в постройке самолета?

Срочно высылайте деньги на самолет в редакцию „Пионера".

ДОРОГА ЧЕРЕЗ НИАГАРУ

Через знаменитый Ниагарский водопад переброшена подвесная канатная дорога.

С сорока семи-метровой высоты падает вода. И падает с такой стремительностью и оглушительным ревом, что не всякий отважится висеть в корзине над этой головокружительной картиной.



В корзине над Ниагарой

ЛАБОРАТОРИЯ ХОЛОДА

В голландском городе Лейдене работает лаборатория, которая делает холод. Она стремится получить самые низкие температуры.

Ей почти удалось достигнуть—273°, т.-е. той температуры, которую имеет межпланетное пространство.

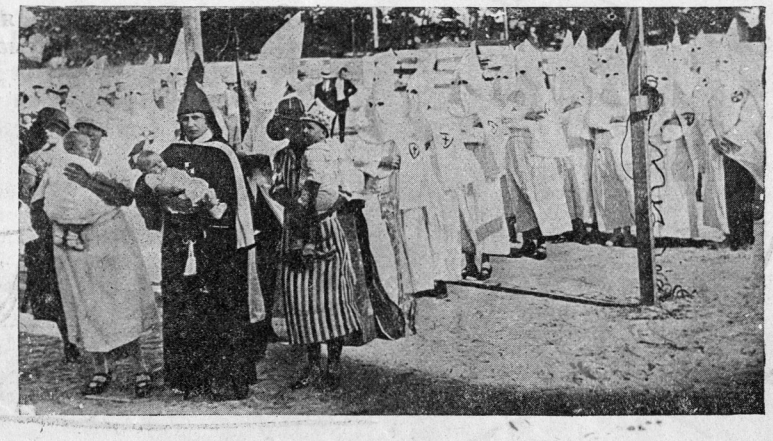
Оказывается, что можно настолько заморозить тела, что они совершенно изменят свои свойства.

Замороженный водород становится металлом. Замороженную резину можно ковать, а изоляторы превращаются в лучшие проводники электричества.

КУ-КЛУКС-КЛАН УМЕР

Американская фашистская организация об'явила себя распущеной. Своими белыми балахонами и остроконечными масками, таинственными ночными собраниями Ку-Клукс-Клан старался запугать всех своих противников. Но даже жаркие пытки и кровавые расправы с теми рабочими, которые попадали в руки ку-клукс-кланцев, не спасли их. Ненависть к Ку-Клукс-Клану настолько возросла, что он должен был сам себя ликвидировать. Пытался Клан подготовить себе смену—создать свою детскую организацию, но из нее ничего не вышло.

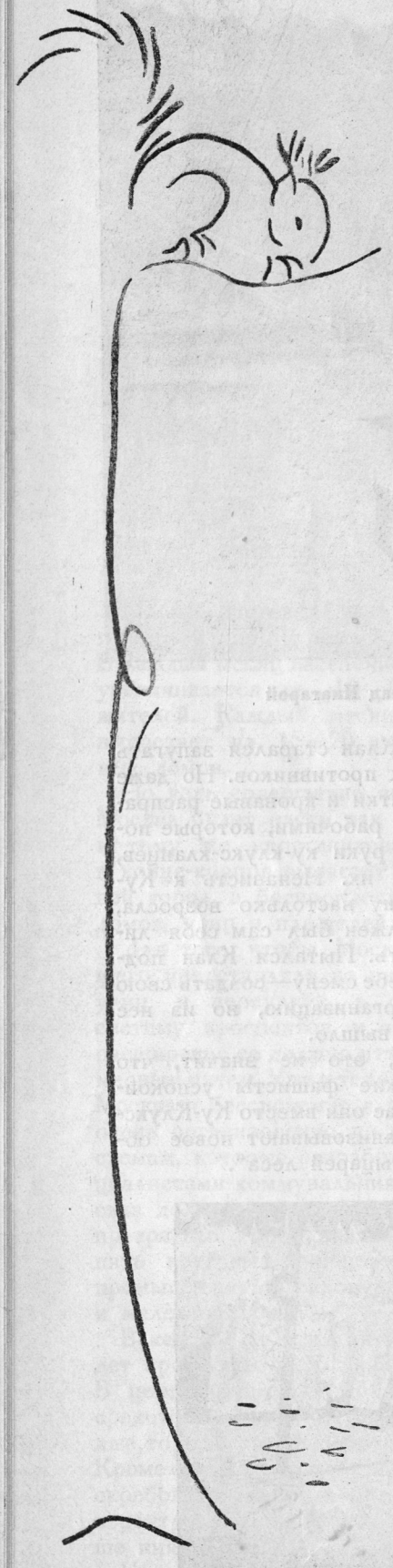
Конечно, это не значит, что американские фашисты успокоились. Сейчас они вместо Ку-Клукс-Клана организовывают новое общество „Рыцарей леса".



Крещение Ку-Клукс-Клана

КТО ТАКОЙ КОЛЯ СОЛНЦЕВ?

КОЛЯ СОЛНЦЕВ—ЛЕШИЙ



К весне заскучало наше доблестное звено „Красный Пионер“ в четырех стенах своего знаменитого клуба. Звено рвется в лагерь, а в лагерь еще рано. Солнце такое, что на нем хоть яичницу жарь. Тогда мы, т.-е. редакция, посоветовали звену „Красный Пионер“ сделать прогулку в лес; то же самое мы советуем всем звеньям всех отрядов, если у них лес поблизости. А как провести прогулку, чтобы она показалась вам интереснее кино, вы узнаете из описания полезной деятельности юнната и лешего Коли Солнцева. Описание делал историк и пионер звена „Красный Пионер“—Б. Бобкинс.

Поезд вывез нас за город очень быстро. Он очень старался, пыхтел, трубил, пот лил с него градом, потому что солнце было очень жаркое.

Мы выскочили из вагона и пошли за Колей Солнцевым, как армия за командиром. Коля Солнцев повел нас в лес.

В лесу на первый взгляд ничего особенного. То ли дело лес на экваторе, под тропиком Козерога, где на каждом шагу лианы, баобабы, боа констрикторы, а тигры закусывают случайными прохожими, как мы яблоком или огурцом. Нет, уж где нашему лесу до тропического.

С такими мыслями мы вступили в лес.

Лес был обыкновенный—из деревьев. На земле бегали зайчики, не живые только, а солнечные. По утверждению Коли Солнцева, эти зайчики к лесному населению не относятся и могут жить в любом зеркале.

Ходить по лесу было приятно не только мне, бывшему поэту, но даже убежденному технику Коле Булкину. Булкин прыгал от удовольствия и говорил, что он тигр (совсем непохоже).

Коля Солнцев встал на пенек и попросил слова. Мы ему дали слово.

— Ребята,—сказал он,—я знаю, о чем вы думаете: вы думаете о всяких тропических тиграх и южных морях. Ответьте мне, водятся ли львы в подмосковных лесах?

Мы все расхохотались—какие там львы. Коля подождал, пока мы кончим смеяться, и серьезно сказал:

— Так вот. пойдемте, я вам покажу хищного и свирепого льва.

Коля Солнцев никогда не шутит, у меня задрожали коленки, а Сережка Федосейчиков без зазрения совести побежал назад. Все остальные сбились в кучу и щелкали зубами, как голодные львы, от чего было еще страшнее.

— Идите за мной,—сказал Солнцев.

— Звено, стройся! — скомандовал Володя,—из лесу шагом марш!

— Стойте, куда вы?—замахал руками Солнцев.

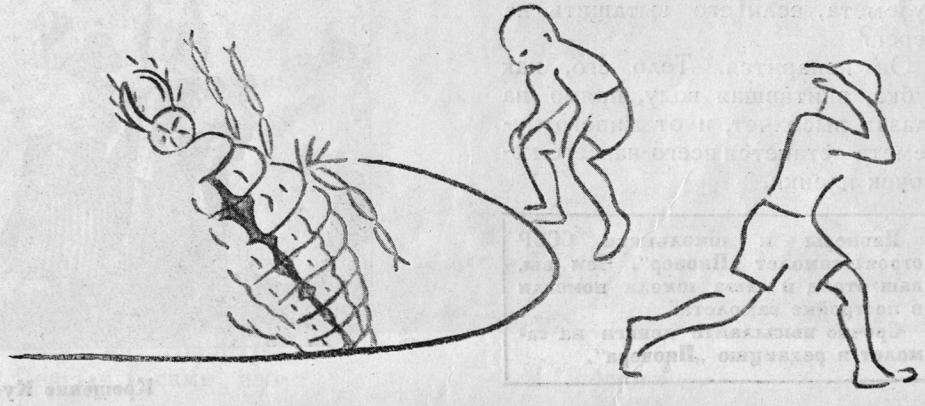
— Окружить лес, устроить правильную осаду и уничтожить льва, как злейшего врага организованных пионеров, вышедших на прогулку в лес!

— Хорошо,—сказал Коля Солнцев,—передай мне команду.

Коля повел звено за собой. Звено сжало все свои триста зубов и пошло за своим временным командиром.

Мы подошли к песчаному скату и по команде окружили его.

На песчаном скате мы увидали вырытую в песке воронку с гладкими песчаными стенками.



Коля Солнцев поймал муравья и бросил его в воронку. Муравей не мог вылезть из воронки—песок осыпался под его ногами.

Мы не понимали, какое отношение это имеет ко льву, как вдруг чьи-то щупальцы вытянулись из глубины воронки. Мы отпрянули.

— Смотрите, смотрите внимательней,—сказал Коля Солнцев,—это завтрак муравьиного льва.

Мы все вздохнули свободней. Муравьиный лев, это не так опасно, как человеческий. Все успокоились, а Володя начал хвастаться своими военными знаниями и осадной тактикой.

Коля Булкин долго стоял около воронки.

— Вот так техника,—сказал он, наконец.

— Подожди,—ответил ему Солнцев,—то ли будет!

КУЗНИЦА НА ДЕРЕВЕ

Коля подвел нас к дереву.

— Тук, тук, тук, тук!

— Вот она кузница,—сказал Коля Солнцев,—на дереве.

Мы посмотрели вверх. Наверху сидел дятел и долбил шишку.

— Где же кузница. Шишку долбит, подумаешь! Это и воробей может.

Коля Солнцев рассердился:

— Безобразие! Ты бы хоть хозяина постыдился. Ведь он, небось, искал, искал места для своей кузницы—еле нашел. Рук у него нет, в чем ему шишку держать? Если в клюве, так долбить нечем, а если в ногах, стоять не на чем. Он себе находит сучок с развилкой и вставляет туда шишки; а тут приходят разные пионеры, которые ничего не понимают и начинают глупости говорить. Хорошо, что дятлы человеческого языка не понимают.

У дятлов, оказывается, постоянные кузницы. Кто говорил насчет воробья и ругал кузницу я не запишу, чтобы ему не было стыдно (а это был я).

Ну и лес,—сколько я в нем ни был, а таких вещей не замечал.

ЛЕСНАЯ ТИПОГРАФИЯ

— Кузница — это предприятие небольшое, кустарное. А вот я вам целую фабрику покажу.

— Какую фабрику?

— Типографию. — Мы встали около пня, с которого Коля Солнцев говорил свою первую речь.

— Здесь квартира типографа, здесь же его место работы. Отдирайте, ребята.

Мы навалились на пень. Не тут-то было—пень не сдвигался. Мы думали, что типография находится в потайном погребе в подполье, мы думали, что пень только притворяется пнем, на самом деле—это потайная дверь. Мы еще раз дружно нажали на пень; он стоял, как вросший в землю.

— Коля,—сказали мы, стирая пот с лица,—пень не сдвигается.

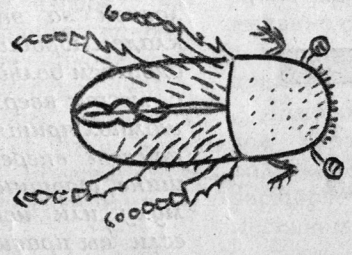
Коля Солнцев подошел к пню и отодрал кусок коры. Оказывается, сдвигать пень вовсе не нужно было. Кора с внутренней стороны была вся изрезана ходами. Все эти ходы выел вредный жук-типограф, который поедает леса, как мы хлеб с маслом.

— Такую типографию надо закрыть,—решил Сережа Федосейчиков,—этак мы в лесу без деревьев останемся.

Мы с ним согласились.

В ТРАВЯНОМ ЛЕСУ

Деревья шумят. Гудят вершины высоких сосен, звенят какие-то насекомые, травы качаются. Я никогда не задумывался над тем, что такое трава; по-моему, это что-то такое зеленое, большое, как простыня, сделано из таких тонких зеленых травинок; еще я знал, что их едят коровы, но я никогда не думал, что травой могут быть много самых различных растений, что и цветы тоже могут быть травой. Не только я так думал, наш ученый техник-изобретатель и вожатый звена Коля Булкин думал то же самое и, кажется, даже пробовал изобретать механическую траву, которая сама



должна была залезать коровам в рот и жеваться электричеством.

Если поближе присмотреться к травам, то оказывается—они разные. Я лег на землю, и трава закачалась над моей головой. Мне показалось, что я в травяном лесу, и каждая травинка для меня, как дерево, такое же большое и интересное и так же шумит, качая вершиной.

Коля Солнцев нам назвал много всяких трав, у него была с собой толстая книга—определитель растений. По этой книге он определяет самые запутанные растения. Это на глаз очень трудно для непривычных людей. Например, встречается вам в лесу животное, рогатое, с когтями, глаза на затылке, хвосты из ушей, уши на спине, изо рта крылья, а на ногах сапоги—а ну-ка, определите.

А Коля Солнцев, если ему встретится такое чудище, вытащит определитель и хлоп,—узнал.

Мы все хотим научиться обращаться с определителем.

Олег Черный попросил у Коли Солнцева определитель растений и начал рыться в нем. Долго рылся; мы ждали, что скажет Олег, потому что он слов на ветер не бросает.

— Никуда не годится твой определитель, один обман.

Мы заволновались.

— Почему обман, какой обман?

— Очень просто, искал я в вашем распределителе одну штуку, так и не нашел.

— А какая такая твоя штука?

— А вот: бурая, большая, мохнатая, на лапах когти, голос громкий, ворчит.

Мы все бросились к определителю. Ну, ничего похожего нет!

Коля Солнцев не искал в определителе, но спросил:

— А ее не Мишкой ли зовут?

— Мишкой,—ответил Олег.

— Ну, значит ты медведя видел.

Мы очень сконфузились, а Олегу хоть бы что.

ОБЕДЕННЫЙ СТОЛ БЕЛКИ

После случая с медведем Коля Солнцев долго посмеивался, мы попросили его не посмеиваться. Он перестал и сказал:

— Хотите, я вам беличью столовую покажу?

Наученные лесным опытом, мы уже не сдвигали стволов и не искали вывесок с надписью „столовая“, а ждали куда нас поведет Солнцев.

Под деревом была набросана скорлупа от шишек. Если бы не Коля, мы бы и не заметили ее. Оказалось, это и есть обеденный стол белки, над которым она грызет свои шишки.

Стол нам понравился, хотя никакого стола не было, а была земля.

Нам очень много пользы принесла эта прогулка под командой Солнцева, который знает лес лучше чем леший, если бы лешие существовали на свете.

Теперь мы будем часто ходить в лес, на нем интересней учиться и полезней, чем по книге.

А до сих пор мы были, как дикари, каторые первый раз попали в большой город; для них все дома—ящики, а все автомобили, трамваи и автобусы—просто музыкальные инструменты.

А мы чем не дикари? Приходим в лес и только и слышим, что лес шумит.

Боб Бобкинс

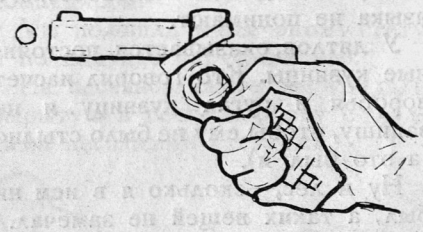
УБИЙСТВЕННЫЙ ГОРОХ

КАК СДЕЛАТЬ РЕВОЛЬВЕР

Уметь стрелять нужно. И вот ребята учатся. Стреляют из винтовок в тире; где нет тира и винтовок—стреляют из луков, из арбалетов. Арбалет очень похож на ружье, лук вообще ни на что не похож. Но вот, как научиться стрелять из револьвера, не имея его? А стрелять из револьвера тоже надо уметь.

Однако, один из наших деткоров вышел из положения очень просто. Не было у него револьвера—так он взял да и... сделал его сам. Сделал, а чертежи нам прислал,—пускай все ребята тоже делают.

Правда, убить из такого револьвера можно разве муху или таракана. Револьвер деревянный, стреляет без пороха и вместо пуль горохом. Как его сделать? Смотрите на рисунки: надо сперва вырезать весь револьвер, почистить его стеклянной бумагой. Канал в стволе можно легко прожечь раскаленным гвоздем. Затем надо сделать шомпол. Это круглая палочка, она должна свободно входить в канал ствола. На конце шомпола должно быть утолщение. И, наконец, нужно достать еще кусок хорошей, упругой резинки и прикрепить ее так, как показано на всех рисунках. Револьвер готов. Остается теперь добыть горсть гороху и можно стрелять. Для того, чтобы выстрелить, берем шомпол за головку, оттягиваем его до края ручки револьвера и зацепляем головкой за этот край. В дуло кладем горошину, прицеливаемся, сдвигаем большим пальцем головку с места вверх; благодаря этому шомпол, притягиваемый резинкой, пойдет вперед, ударит по горошине, горошина вылетит и убьет муху или искалечит таракана, если вы правильно прицелились.

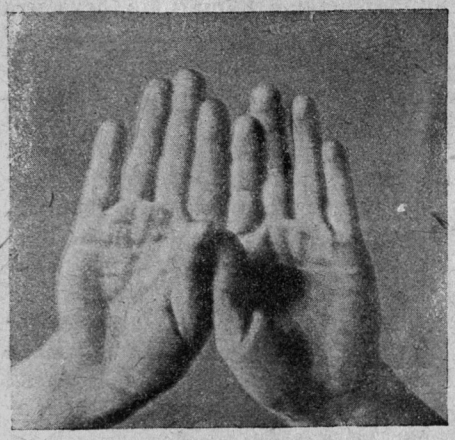


БУДЕМ ЛЯГУШКАМИ

УЧИТЕСЬ ПЛАВАТЬ НА СУШЕ

Л. ГЕРКАН

Нужно заранее приготовиться к плаванию. Пионер должен себя чувствовать в воде, как рыба, он должен любить воду, потому что она его укрепляет, освежает и закаляет; он должен уметь хорошо плавать и знать приемы водоспасания, чтобы не стоять растерянным у берега, а иметь возможность смело пойти на помощь погибающему человеку. Пионер должен помнить, что комсомол—шеф нашего флота, что многие комсомольцы идут служить во флот и что для них вода—родная стихия.



Руки складываются „плотиком"

Говоря о плавании, столь необходимом в летнее время, нужно сказать, что к нему можно предварительно подготовиться на суше. Как ни странно, но прежде чем лезть в воду, нужно знать, какие движения там будешь делать. А потому необходимо все приемы сперва изучить на суше. Правда, это не значит, что научившись такому „сухому" плаванию, сразу поплывешь в воде, но все же научиться плавать таким способом гораздо легче и проще.

Подготовку можно и нужно проводить коллективно. Во время гимнастики можно всем вместе выполнять следующие движения:

Исходное положение — стоять „смирно", поднять руки, вынося их немного наперед, наискось вверх, ладонями вперед, кисти рук сложены „плотиком", т.-е. все пальцы плотно сжаты, указательные пальцы касаются друг друга внешними сторонами, а большие пальцы поджимаются под указательные, голова немного назад.

Первое движение — опустить руки без напряжения до уровня плеч, не выворачивая ладоней наружу. Неполный вдох.

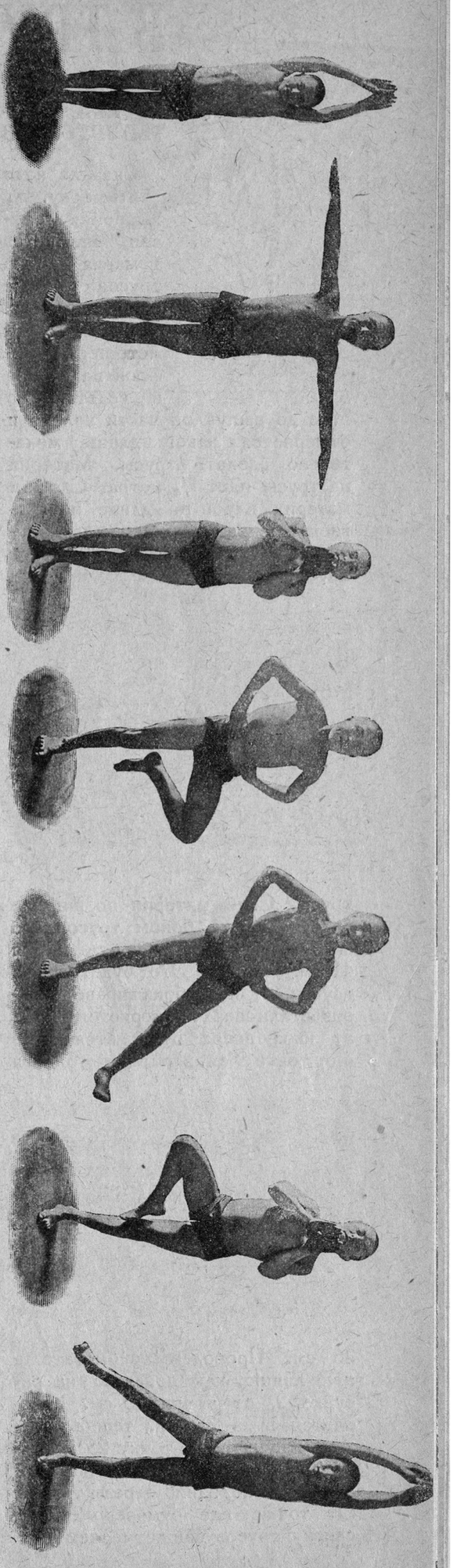
Второе движение — локти сгибаются и приближаются к бокам тела, а кисти рук вслед за этим коротким дугообразным движением встречаются перед грудью и снова складываются „плотиком"; концы пальцев находятся у подбородка. Вдох продолжается до предельного наполнения легких воздухом. Одновременно с этим одну ногу (в воде это движение делают обе ноги) поднимают, сгибая колено и отводя его возможно шире в сторону, пятка находится вблизи колена стоящей ноги, носок обращен книзу.

Третье движение—возвращение рук в исходное положение, не разъединяя кистей рук. Выдох. Вместе с тем производится широкое кругообразное отведение ноги в сторону с подтягиванием носка в начале движения и последующим энергичным возвращением в исходное положение вытянутой ноги.

Заключительное положение—такое же, как „исходное". Продолжая выдох, остаются некоторое время без движения (пауза), чтобы затем непосредственно перейти опять к первому движению. Ноги меняются. Движения рук и ног можно изучить сперва в отдельности (см. рис.) Согласованное же движение заучивается до автоматизма. Следует строго соблюдать также согласование дыхания с движениями и стремиться к округлению всех движений: отдельные части движений как бы переливаются одно в другое, нарастая по быстроте и силе к концу.

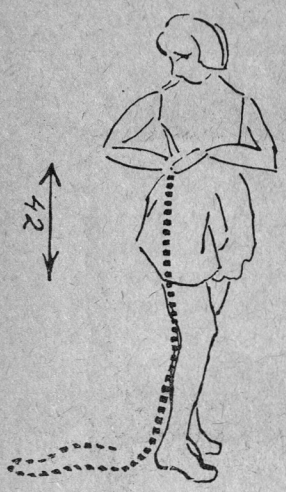
Этот способ плавания называется „лягушачьим". Он хорош тем, что дает возможность плавать гораздо дольше, чем саженками; руки и ноги работают здесь равномерно, спокойно и экономно, дыхание согласовано с движениями и тоже спокойно, все тело выпрямляется, грудь расширяется.

Даже описанное подготовительное упражнение к нему очень полезно—оно выпрямляет спину, расширяет грудь и приучает к размеренному, глубокому дыханию.



В ТРУСИКАХ И ТУФЛЯХ

А. А. ДУДОВА.



КРОЙКА И ШИТЬЕ ТРУСИКОВ

Сначала надо снять мерку. Для выкройки трусов снимается 1 мерка—длина трусов. Мерка снимается так: кладется сантиметр первой цифрой на талию и ведется по ноге до выпуклой части колена и отмеряется какой длины желательно сделать трусы. Материи на трусы идет $^3/_4$ метра. Сложим материю вдвое по длине и перегнем еще раз по ширине и получим вчетверо сложенный кусок материи, из которой и выкроим

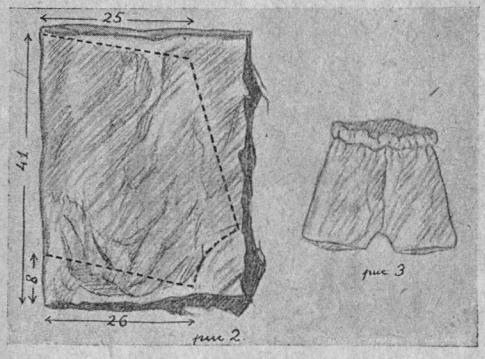


рис 2

рис 3

трусы. Сгиб материи по ширине будет служить боком трусов. По сгибу от верхнего края отмеряется 41 см. (рис. 2). Это будет длина трусов. От сгиба бока вправо по горизонтали сверху отмеряется 25 см., от низа вверх отмеряется 8 см. и от точки 8 см. вправо отмеряется

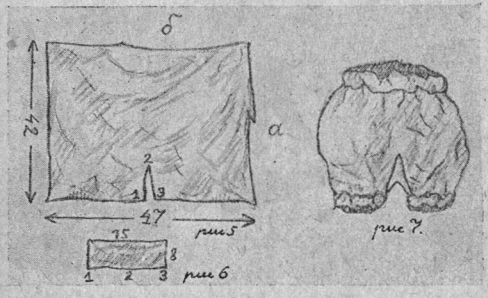
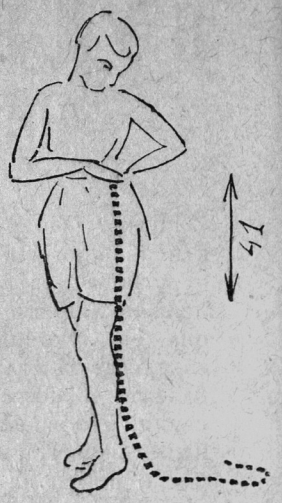


рис 5 рис 6

рис 7.

26 см. Проведем вспомогательную линию, как показано на рисунке 2, от точки 25 см. отмеряется вниз 38 см.; теперь соединим пунктиром точку 25 и точку 38 см. (смотри рис. 2)—получим задний и передний отрезы трусов. От точки, где отмерено 25 см., сверху трусов вниз отмеряем 4 см. по линии шва и проведем пунктиром от точки 4 см. к боку трусов. Эта линия будет передом трусов. Снизу вверх по сгибу отмеряем 4 см.; от точки 4 см. отмеряем вправо 26 см. и соединим вогнутой линией, как показано на рисунке 2, точку 26 см. и точку 38 см. и таким образом получим таз трусов.

Вот и выкройка трусов. Шьются трусы очень просто: сшиваются зад с задом, перед с передом, потом сшивается таз; пояс подшивается косой полоской в 3 см. В пояс продергивается резинка или тесемка, низ подшивается простым подшивочным швом, и трусы готовы. Ни застежек, ни прорешек у трусов не делается.



Возьмем 1 метр материи и выкроим 2 прямоугольника длиною в 42 см. и шириною в 47 см. В одной из сторон по ширине, где отрезано 47 см., делается прорез длиною в 7 см. Потом два прямоугольника сшиваются вместе с боков по длине, где отмерено 42 см.

Из оставшейся материи отрезается полоска длиною в 15 см. и шириною в 8 см. Полоска эта вшивается в прорез шага передней и задней части шаровар так, чтобы точки 1, 2,3 рис. 5 сошлись с точками 1, 2, 3 рис. 6. Верх и низ шаровар подшивается простым подшивочным швом, в пояс продергивается резинка или тесемка, а вниз обязательно резинка.

ШАРОВАРЫ ДЛЯ ДЕВОЧЕК 11—14 л.

Мерка снимается от талии до самой выпуклой части колена. Длина шаровар 42 см. на девочку 12 лет, среднего роста.

ТУФЛИ ИЗ МАТЕРИИ ДЛЯ ФИЗКУЛЬТУРЫ

Для шитья туфель надо снять 2 мерки. Мерка снимается так: кладется сантиметр первой цифрой на большой палец ноги и проводится до середины пятки. Эта мерка и будет длина туфли (рис. 8).

Для второй мерки сантиметр кладется на большой палец и ведется по под'ему ноги; затем отмеряется какой глубины желательно сделать туфли. Предположим, что эта мерка 6 см.

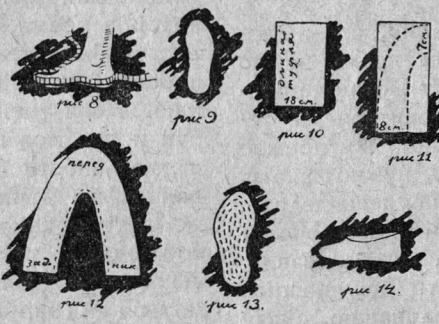


рис 8 рис 9 рис 10 рис 11 рис 12 рис 13. рис 14.

Подметка выкраивается так: поставим ногу на бумагу без обуви всей ступней и обведем ее карандашом кругом.

Для выкраивания верха туфли возьмем прямоугольник, одна сторона которого равна длине туфли, а другая 18 см. (рис. 10). Затем прямоугольник складываем пополам и острые углы округляем на глаз (рис. 11). По сгибу откладываем 7 см. (перед или глубина туфли), на другой стороне прямоугольника отмеряем 8 см. (зад) и все вычертим пунктиром, как показано на рис. 11. Кроить туфли надо так, чтобы перед выкройки пошел по поперечной нитке материи. Верх выкраивается из более толстого материала, а подкладка из тонкого. Сзади на шов прибавляется $1^1/_2$ см.

Сначала надо сшить верх с подкладкой так, как показано пунктиром на рисунке 12, а потом сложить задник—подкладку с подкладкой, верх с верхом и сшить задний шов. Затем вывернуть верх туфли на лицевую сторону, заметать в верху, чтобы подкладка не выглядывала, и прострочить на машинке.

Подметка туфли вырезается из более толстого материала, нежели верх туфли, при чем кругом прибавляется по 1 см. на ширину. Сложим материал вдвое и вырежем подметку, потом кругом прострочим на машинке, как показано на рис. 13. Когда подметка готова, положим ее на стол лицевой стороной, а туфлю вывернем наизнанку и оденем на подметку. Задник приколоть булавкой к пятке подметки, а перед к носку и прострочить все вместе на машинке. Туфлю вывернуть, и она готова.

ЕРШ

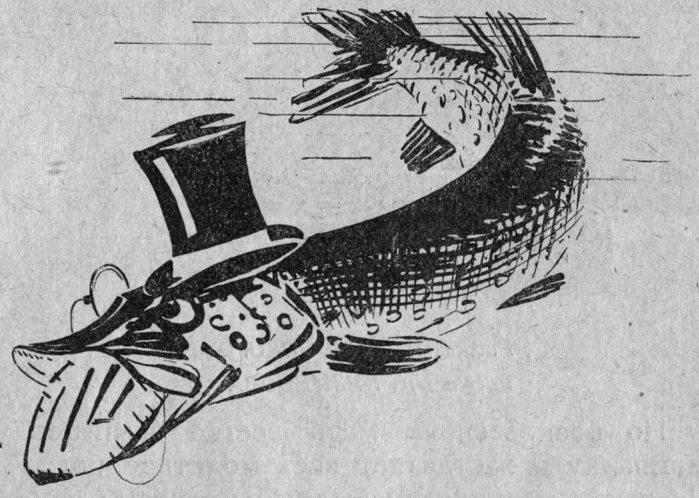
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

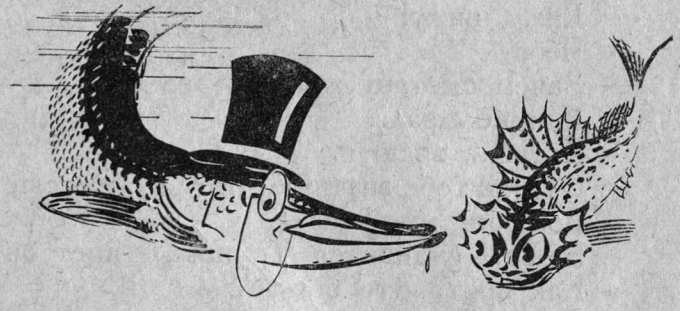
№ 3 МАЙ 1928 г.

ЕРШ И ЩУКА

Английская щука зубастая
Плывет, извиваясь гибко.
„Сейчас на обед заграбастаю
Я где-нибудь мелкую рыбку“.

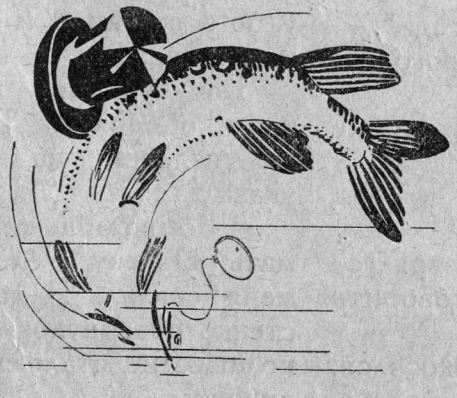
Плывет с челюстями раскрытыми.
„Эй, где ты, рыбешка? А ну-ка!“
Известна везде аппетитами
Английская хищная щука.





У щуки слюнки капают.
Эй, Ерш, спасайся,— сцапает!
Но Ерш глядит уверенно:
Не все еще потеряно.

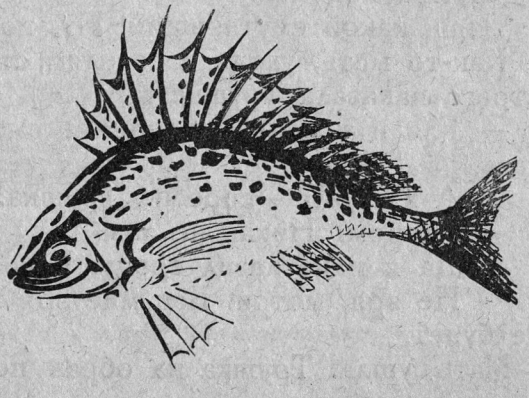
Пусть только тронет, кинется,—
Могу я ощетиниться.
И этой гнусной рыбе ли
Меня довесть до гибели?



Ох, щука не ждала конфуза.
Спокойно, ловко, не спеша
Вонзилась щуке прямо в пузо
Игла колючего Ерша.

Так был наказан хищник дерзкий.
Мораль же я сказать могу:
Порой от рыбки пионерской
Не поздоровится врагу.

Н. Адуев.



Смутьян

Рассказ П. ЗАМОЙСКОГО
Рисунки К. КУЗНЕЦОВА

По воскресеньям мать всегда зажигает лампадку и заставляет всех молиться богу. Трушка—мальчик смышленый: молится, а сам думает:

„Вон бог глядит прямо на меня. Он, мотри-ка, чего-нибудь понимает“...

Спрашивает мать:

— Это что же бог-то молчит? Мы ему и так и сяк, а он хоть бы что.

Мать сердится на Трушку. Отвечает строго:

— С дураками он говорить не будет. Он дураков не любит, а вот сбалуете что-нибудь, он мне все и расскажет.

Трушка подумал:

„Ишь какой смутьянщик! Ну, погодь“.

Как-то мать, уходя к соседям, строго настрого наказала Трушке:

— Гляди у меня! Пальцем в сметану не лазь.

— А хлебом? — спросил Трушка.

— Хлебом? Никак не лазь.

— Да я и не лазил сроду. Чего зря-то?

— Не зря, мотри. Бог мне зря говорить не будет.

Мать ушла. Трушка на образ покосился, с укором спросил:

— Зачем матери все говоришь? Зачем смутьянничаешь? Раз ты сидишь в углу, и сиди. Не твое тут дело. Мало ли чего у нас в семье бывает.

Потом к горшку подошел. Поглядел, а сметана густая, густая.

— Эх, ты!

Хотел пальцем макнуть, оглянулся на образ, а бог на него все глаза уставил.

— Что это он все за мной подглядывает? Ну-ка отойду в другую сторону.

Взял горшок, в другую сторону пошел. Поглядел на образ, а бог опять глядит на него. Трушка за угол—и там видит его бог.

— Тьфу ты, какой глазастый!

Поставил Трушка горшок на стол, сам залез к божнице, спросил ласково:

— Ты, может, боженька, сметанки хочешь?

Молчит бог и будто поласковей маненечко на Трушку глядит.

— Ну, сразу вижу, что хочешь.

Макнул Трушка пальцем в сметану, богу губы тихонечко помазал.

— Ешь, ешь, милый. Наешься, скажешь мне.

Накормил Трушка бога досыта, улыбнулся.

— Ну, теперь ты поел и к стенке отвернись. Я тоже немножечко хочу поесть.

Повернул Трушка бога лицом к стенке, сам есть принялся. Только облизал губы—мать входит.

— Вижу, вижу!

— Чего?

— Зачем сметану жрал?

— Я и не жрал.

— Врешь... знаю я.

— Откуда тебе знать-то? Вот чудная еще.

— Вон, бог мне сказал.

— Бо-ог? — удивился Трушка, — врет он.

— Как врет? Это бог-то?

— Да-а... Вре-е-ет.

— Ах ты... Вот, гляди!..

— Гляди, гляди. Нечего глядеть-то. Сама вот гляди.

Повернул Трушка образ другим боком, а у бога все лицо и губы в сметане.

Как увидела мать, так и обмерла, а Трушка пальцем на бога указал.

— Вот видишь теперь, мать. Он сам с'ел, а на меня свалил. И даже к стенке отвернулся. Видно совестно стало смутьянщику.

КОЛЮЧИЕ ПИСЬМИШКИ

Эх, ребята, хорошо весной! От радости я, как шальной: мчусь быстрей, чем ветры, отсчитываю километры, обгоняю без труда черепах и поезда да пою ершиную песню за песней... Что может быть чудесней? Мой стосильный мотор попрежнему скор.

Шире дорогу гонцу „Ерша“

Примчался я быстрей циклона в 6-ю школу гор. Херсона. Попал на урок немецкого языка. Дай, думаю, послушаю слегка. И что же? Педагог об-ясняет, а весь класс... в „флирт цветов“ играет. Да так этой игрой ребята увлекались порой, что на вопросы учителя едва ли хоть слово впопад отвечали. Так, он спросил по-немецки одного: „Сколько у человека зубов всего?“ А тот ответил ни к селу, ни к городу: „Козел имеет бороду“. Так от неурочной игры „козлиный“ ответ у детворы!

Учтите это ребята

В другой школе три кружка и хор затеяли между собою спор: одни и те же ребята нужны были и сюда и туда-то. Музкружок зовет паренька играть на трубе, а Осоавиахим тянет его к себе. Санкружок ему в одну ногу вцепился, а драмкружок за другую ухватился. Разрывают несчастного пополам. Шум, крики, гам... Да еще путаницы помимо. Впопыхах в кружке Осоавиахима один пионер стал стихи читать, а в литкружке противогаз надевать! Словом, получилась такая каша, что я не выдержал этого ералаша.

Уплыл!

Прибыл я в село Карамино. Там в школе такая картина: учитель урок об'ясняет и ко вниманию всех призывает. Но одна группа учеников неспроста „более важным делом“ занята: друг другу строят смешные рожи, подбираются булавкой до кожи, вонзают в уши карандаши... Вообще очень хороши! Чтоб наказать их малость за неуместную шалость, я к ним лисой подсел. Один шалун меня ущипнуть хотел, но от моего колючего урока присмирел во мгновение ока. Остальные, заметив его испуг, тоже притихли вдруг... На этом пока—точка и передышка. С пионерским приветом.

Ершонок Мишка

ЧАЙ

Ване Нечаеву хочется чаю,
А чай как на зло не поспел.
Когда же *вскипит* этот чайник, нечаю?—
Ваня Нечаев *вскипел*.
Ваня Нечаев *сбежал* без чаю,
Дверью в отчаяньи хлоп!
И чай *убежал*, и без Вани Нечаева
Устроил отчаянный потоп.

А. Барто

ТРУДНОЕ ДЕЛО

— А стенгаз будем делать по пятницам.

— Устанете. Ведь у вас семь пятниц на неделе.

„ШАХМАТИСТ“

Во время всесоюзного шахматного турнира один ученик, встретив у знакомых Ласкера, попросил его сыграть с ним в шахматы.

Ласкер согласился.

— E2—E4,—сказал он.

Ученик думал с полчаса и тоже ответил выходом королевской пешки.

Ласкер вывел слона.

Парнишка думал час и... тоже двинул вперед слона.

Ласкер улыбнулся.

— Сдаю партию,—сказал он,—вы *терпеливее* меня.

Коля Смекалкин в „тиши“ своего кабинета

Цена 20 коп.

17709

ОТГАДАЙ

№ 27. ПЛЕМЯ ИНДЕЙЦЕВ

(Ан. Бич, Орел)

Во время своего знаменитого путешествия на корабле „Бигль“ известный основатель эволюционной теории происхождения человека от обезьяны, Чарльз Дарвин, проплывая мимо берегов Бразилии, решил посмотреть природу этой страны и при случае повидать туземцев. Кроме всего этого, Дарвину хотелось узнать численность населения хотя бы одного из береговых племен. На его счастье ему на краю Сельвасов пришлось встретить индейца из такого племени, и Дарвин задал ему интересующий его вопрос. Индеец подумал и ответил:

— У меня столько же сестер, сколько и братьев, а у моей сестры вдвое меньше сестер, чем братьев. Но мы грозны!—И скрылся, прыгнув в заросли. Дарвин же не успел в своей жизни подумать над этой задачей. Не решите ли вы ее, ребята?

№ 28. ГДЕ ОНИ?

Сидела на заборе стая воробушков. Было их 35. Потом прилетела еще дюжина.

Сидит стайка, весело чирикает.

Шел с охоты охотник. Сердитый-пресердитый: не повезло на охоте. Увидел воробушков—дай, думает, выстрелю,—да как бабахнет! Сразу семерых убил—упали с забора.

Подсчитайте—сколько на заборе осталось.

№ 29. НЕПРОДАННЫЕ БОЧКИ

На складе имеется 6 боченков разной вместимости. На рисунке показано, сколько бутылок содержит каждый боченок. На это вино нашлось два покупателя: один купил два боченка, другой — три, при чем первый приобрел вина ровно вдвое меньше, чем второй.

Какой боченок остался непроданным?

№ 30. ДВА САМОВАРА

(Ив. Гончаров, Дорогобуж)

Два равные по величине и форме самовара налиты водой. В трубу первого насыпаны на низ горящие угли, наверх потухшие. В трубу второго—наоборот, т. е. на низ погасшие, наверх горящие. В каком самоваре вода закипит скорее, и почему?

Продолжается подписка на 2-й квартал (с апреля) и до конца 1928 г. на журналы:

„ПИОНЕР“

двухнедельный иллюстрированный детский журнал, орган ЦК и МБ юных пионеров и Наркомпроса.

Бесплатные приложения: 1) Стробоскоп—прибор для кинематографических изображений. 2) Как сделать проекционный фонарь и картины к нему. 3) Как оборудовать звеньевой уголок. 4) Пьеса. Годовые подписчики получат все 4 приложения; полугодовые — 2 приложения.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г. — 3 р., 9 м. — 2 р. 45 к., 6 м. — 1 р. 60 к., 3 м. — 85 к., 1 м. — 30 к.

„ЗНАНИЕ—СИЛА“

ежемесячный иллюстрированный научно-популярный журнал для подростков.

Бесплатные приложения: 1) Воздушный бой (настольная игра). 2) Справочная книга юного мастера (сборник практических рецептов). Годовые подписчики получат бесплатно оба приложения, полугодовые — одно приложение.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г. — 2 р. 50 к., 9 м. — 2 р., 6 м. — 1 р. 30 к., 3 м. — 70 к., 1 м. — 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемесячный, богато-иллюстрированный журнал

„ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ“

орган ЦБ юных натуралистов при Главсоцвосе и ЦБ юных пионеров

Первый номер выйдет в апреле.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г.—1 р. 45 к., 9 м. (до конца года) — 1 р. 10 к., 6 м. — 75 к., 3 м. — 40 к.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 15 к.

КЛУБ ВВВ

богато иллюстрированное ежемесячное издание—трибуна для всех клубных организаторов и вожаков.

На все вкусы:

Для пионеров! Для октябрят! Для всех ребят!

В каждом номере:

Новые игры! Новые песни! Новые пьесы!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 7 выпусков (до конца года) — 2 р. 25 к., 3 вып.—1 р. Цена отдельного выпуска—35 к.

ПОДПИСКУ и ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Главную контору периодических изданий Издательства „Молодая Гвардия“—Москва, Центр, Новая пл., д. 6/8, в отделения и представительства Издательства, в почтовые конторы, в отделения центральных газетных издательств и киоски Контрагентства печати.